

Сергей Арно

Живодерня

16+

Сергей Арно

Живодерня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55542726

SelfPub; 2020

Аннотация

Увлекательный роман, жесткий триллер со значительным элементом мистики. Сюжет его основан на мифах и легендах о существовании в подземельях Петербурга древнего народа чудь, который владеет несметными сокровищами. Контролирующие город преступные группировки борются за обладание этими сокровищами...

Содержание

ЧАСТЬ I	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	42
Глава 5	52
Глава 6	67
Глава 7	80
ЧАСТЬ II	89
Глава 1	89
Глава 2	99
Глава 3	106
Глава 4	120
Глава 5	128
Глава 6	149
ЧАСТЬ III	160
Глава 1	160
Конец ознакомительного фрагмента.	168

Чудь изображается как дикий народ ("белоглазые племена"), живший грабежом, иногда как великаны (на местах битв с чудью находят огромные кости) и людоеды. В одной из былин "белоглазая чудь" осаждает Иерусалим при царе Соломоне. Скрываясь от преследования (христианизации), чудь живет в ямах в лесу (исчезает в ямах), прячет там свои сокровища (клады), которые невозможно добыть, т.к. они "закляты" чудью. Земляные бугры и курганы называются "чудскими могилами".

Мифологический словарь, 1992

“Чудь или чудики вырыли подкопы, ушли туда со всем добром, подрубили стойки и погибли.”

“Чудь белоглазая! Чудь в землю ушла. Чудь живьем закопалась, чудь под землей пропала.”

Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка

ЧАСТЬ I

ПРЕДИСЛОВИЕ

(Расчлененка в старом доме)

Кругом была кровь. Кровь была не только на полу, но и на стенах и даже на потолке, словно какой-то псих или шутник кропил ею для смеха и произведения пущего театрального эффекта. И эффект ему удался. Но не это казалось самым омерзительным и жутким в комнате. Везде: на старой оттоманке, на подоконнике, в шкафу, где валялось ветхое ненужное белье, и просто на полу – в лужах крови как попало были разбросаны внутренние органы.

Капитан Свинцов – следователь из двенадцатого отделения милиции – с профессиональным любопытством оглядывался по сторонам. В комнате лежали только внутренние части организма – тело, или скорее всего тела, отсутствовали.

– Да-а... – Его спутник, недавно назначенный в помощники Григорий Алиев, разглядывал большой узел переплетенных кишок, свисавших из шкафа на пол. – Ну, такого я еще

не видел, – бормотал он, вода по сторонам восторженными глазами. – Живодерня!.. Прямо живодерня какая-то...

– Старая история, – пробормотал в глубокой задумчивости Свинцов.

– Что вы сказали? – отведя взгляд от созерцания кишок, рассеянно взглянул в его сторону Гриша.

Капитан, не ответив, прошел в глубь комнаты, где на диване в загустевшей подсохшей луже крови лежал еще какой-то орган. Осмотрел его пристально. Пуговица на полу привлекла его внимание – капитан оглянулся и, подняв ее, быстро и незаметно спрятал в карман.

– Пожалуй, такого зверства я еще не встречал. – Гриша торопился везде поспеть вперед своего шефа. – Это ж разделочный цех какой-то. Куда они, интересно, тело спрятали? Пылища здесь кругом, а следов, похоже, никаких.

– Ух ты! – В комнату вошла группа из криминальной лаборатории и засверкала вспышками аппаратов.

– Ладно, пойдем. Нам здесь больше делать нечего. Похоже, ничего... – уходя, сказал Свинцов руководителю группы.

– Мы найдем, – заверил тот.

– Вряд ли, – устало и удовлетворенно проговорил Свинцов, спускаясь по лестнице.

Во дворе нежилого, готовящегося к капитальному ремонту дома, где в одной из комнат были обнаружены останки, Свинцов, перешагивая через кучи мусора, пошел к подворотне, Григорий последовал за ним. Миновав дежурившего

во дворе сержанта, вышли на улицу.

У подворотни стояли автомобиль оперативной службы и машина "скорой помощи". Григорий подошел к двоим скупающим санитарам.

– Видать, ваш клиент, – сказал он, кивнув в сторону дома. – На такую расчлененку только сумасшедший маньяк способен.

– Да, гоняемся за ним уже полгода, с ног сбились. Кто знает, что у него на уме?.. – устало проговорил один из них, протягивая пачку сигарет Григорию для угощения. – Маньяк – он и есть маньяк.

Свинцов, уже севший в машину, просигналил. Григорий взял сигарету и прощально махнул санитарам рукой.

– Что-нибудь заметил? – спросил Свинцов, заводя двигатель, и бросил взгляд на помощника.

– Да чего в таком месиве заметишь? Видно, из потерпевшего там фарш прокручивали.

Свинцов взглянул на него внимательно:

– Помнишь Джека Потрошителя?! Тут похлеще потрошитель, – и улыбнулся.

– А по-моему, на ритуальное убийство похоже, слишком уж театрально, – сказал Григорий задумчиво, – или Парикмахер сработал. Это уже из оперы безумия. Вон ребята из психушки сколько за ним гоняются. Все поймать не могут гада.

Глава 1

ИСЧЕЗНУВШАЯ НОЧЬ

(Непонятное начинается)

Он не сразу понял, что это музыка, возвращаясь из вяжущей мути сна долго и трудно. Забытье боролось с музыкой из реального мира...

– Я знаю пять имен девочек: Таня – раз, Лиза – два, Катя – три... – При каждом слове раздавался стук. Музыка ушла, ему был противен этот назойливый детский голос и стук... а голос начинал все сначала: – Я знаю пять имен мальчиков: Сережа – раз, Дима – два, Илья...

Услышав свое имя, он открыл глаза, с трудом приподнял голову. Он лежал на диване в незнакомой комнате, в чужом халате. В комнате был полумрак. В центре письменного стола горела лампа. Девочка в цветастом платье с рыжими, завязанными "фонтанчиком" волосами стучала резиновым мячиком в пол. Девочку, казалось, он где-то уже видел. Но где? Да и вообще, как попал сюда? На его имени девочка запнулась, то ли запутавшись, то ли почувствовав движение. Мячик, наполовину черный – наполовину красный, не пойман-

ный, подпрыгивая, покатился к кровати. Девочка догнала его и, взяв под мышку, остановилась, глядя на Илью. Илья тоже молчал, не зная, что говорить.

– Дядя, а почему у тебя такие большие глазки? – вдруг спросила девочка.

– Чьи?

Илья снова лег на подушку головой, ощущая сильное недомогание. Он лежал, глядя в потолок и размышляя, что же ответить любознательной девочке, но не мог ничего сочинить.

– Чтобы лучше видеть тебя, – произнес Илья первое, что пришло на ум, подняв голову от подушки.

Девочки в комнате не было.

– Странно. А все-таки что это за комната? Как я сюда...

Илья старательно потер ладонью лоб, оглядывая просторную комнату с большим зашторенным окном и развесистым, как паутина, огромным книжным стеллажом. Горевшая на столе лампа много света не давала, но для Ильи и этого было достаточно, чтобы уяснить твердо, что в этой комнате он впервые.

Он помнил, что выехал из Новгорода, собираясь остановиться на ночь в Петербурге у тетушки своего приятеля. Как сел в поезд, он помнил хорошо, но дальше... Может быть, он уже у тетушки или... А может, он еще из Новгорода не выбрался?.. Сделав над собой усилие, он приподнялся, сел. Голова непривычно закружилась, потемнело в гла-

зах. Он осмотрел чужой, чрезвычайно обширный для его тела халат. Руки были в ссадинах.

– Что же это, где это меня?.. – бормотал он, обхватив голову руками и покачиваясь из стороны в сторону.

– Эй, парень! Ты ее не видел?

Илья поднял глаза. У двери стоял худой мужчина в облегающем спортивном костюме, длинноволосый... из-за темноты разглядеть его было трудно.

– Глюка не забегала, спрашиваю?

– Кто? – Илья щурясь смотрел на незнакомца.

– Ай! – махнул тот рукой и медленно вышел.

Илья встал на пол босиком. Головокружение прекратилось, но подступила тошнота, в желудке стало нехорошо. Рядом с его босой ногой суетилось насекомое. Илья вгляделся: это была муха с оторванным крылышком. Она подпрыгивала, стараясь взлететь с пола, но увечье не давало ей сделать этого.

"Фу, какая гадость! – подумал он, морщась. – А если бы я на нее наступил?.. Фу!"

Илья поднялся, подошел к окну. Книги были не только на стеллаже, на столе, но и на подоконнике. Илья выглянул на улицу. Был вечер или раннее утро. Из окна виднелась крыша противоположного четырехэтажного дома с печными трубами. Дом был вида нежилого, облупившийся и темный, с разбитыми кое-где стеклами в окнах. Внизу, у открытых настежь ворот брошенного жилого здания, стояла милицей-

ская машина, возле нее беседовали три милиционера. Чуть в стороне, сложив на груди руки и привалившись спинами к боку машины "скорой помощи", застыли двое санитаров в белых халатах.

"Нет, это не Новгород", – подумал Илья и, не имея интереса к происшествию, отошел от окна и вновь сел на диван. Только бы вспомнить, только бы... Прилег на подушку...

Сознание мутнело, он снова слышал музыку, снова за стеной кто-то играл на фортепьяно, но это не раздражало его...

Когда Илья вновь открыл глаза, в комнате ничего не изменилось, кроме одного: метрах в трех от тела Ильи сидел гигантский паук, позади него на всю стену раскинулась паутина стеллажа.

"Вдруг какой-то старичок-паучок..." – явственно прозвучало в голове. Свет настольной лампы падал ему на спину, и разглядеть мерзкое насекомое было непросто, но паучина не сводил с Ильи своих ужасных глазниц. "...нашу Муху в уголок поволок, хочет бедную убить... погубить", – бубнило в мозгу. Илья поспешно сел на диване.

– Очнулся? – спросил паук резким голосом.

Илья щурясь вглядывался в странное насекомое, при более пристальном рассмотрении оказавшееся долговязым мужчиной. Сидел он верхом на стуле, уперев длинные руки в бока, скрестив ноги и расставив в стороны острые колени. Паучье было не только в его теле, но и в редкой бороде и поблескивающих круглых очечках.

– Я уже час дожидаясь, когда ты проснешься. Есть будешь?

– Как я здесь оказался? – Илья потер лоб и удивленно посмотрел на свою грязную исцарапанную руку, чужой халат. – Как я сюда...

Илья впервые видел этого человека, эту комнату; голова болела, но самое главное – он не знал, как себя вести, что предпринять, он озирался по сторонам.

– Где я?

– Не волнуйся, Миша. Ничего страшного не случилось, – перебил хозяин комнаты успокаивающе.

– Я не Миша, я Илья, – грубо поправил он. – Где мои вещи? Мне переодеться нужно.

– Ты, Илья, не волнуйся – подберем мы тебе вещи по размеру.

– Мне не нужно по размеру. Где мои вещи? Да и кто вы такой?

Илью охватило чувство ненависти к этому рослому неприятному человеку.

– Ладно, если хочешь, я расскажу. Зовут меня Егор Петрович. Знаешь что, – Егор Петрович поднялся, – ты поешь, а я тебе в это время расскажу все в подробностях.

Илья, действительно испытывавший зверский голод, согласился и, подсев к письменному столу, угол которого был освобожден от книг и занят большой тарелкой с вареным картофелем и котлетой, принялся за еду, попутно разглядыва-

вая долговязого человека. У того было морщинистое лицо, усы и академическая бородка. Круглые очки придавали ему сходство с ученым, щеки он брил, вероятно, не каждый день и без особой тщательности, седые волосы стриг, должно быть, саморучно.

Егор Петрович между тем рассказал ему следующую историю. Оказывается, вчера, поздно вечером, почти ночью, Илья в одних трусах, с ошалелыми глазами, весь перепаранный и грязный, стал звонить в дверь к Егору Петровичу. Увидев человека в таком жалком и ничтожном состоянии, Егор Петрович проявил милосердие и, дав Илье две таблетки сильнодействующего снотворного, уложил спать. Вот, собственно, и вся история.

Наевшись и выслушав историю Егора Петровича, Илья немного успокоился. Ненависть к этому человеку улеглась, но недоумение осталось. Он помнил, как ехал в поезде, помнил, как вышел вечером на вокзале, но вот дальше...

– Нужно в милицию заявить, – сказал Илья, допив чай. – Наверное, меня ограбили.

Егор Петрович пожал костлявыми плечами и сдвинул лохматые брови.

– Вряд ли ограбили, а если ограбили, то еще и напугали до такой степени, что... А было что взять?

– Да нет, – махнул Илья рукой. – Так, мелочь – я ведь на неделю только в Питер собирался, даже паспорт дома забыл, достопримечательности посмотреть... А вообще-то ме-

ня жена бросила. Мне приятель адрес своей тети дал, обещал, что она на ночлег устроит. Адрес я, конечно, потерял. Нужно все-таки в милицию идти, – снова повторил Илья.

Егор Петрович встал и прошелся по комнате. Роста он был высоченного.

– В милицию, конечно, можно сходить. Но подумай хорошенько, что ты им скажешь. Скажешь, что нечего вспомнить. В памяти пусто. Знаешь, куда тебя направят?

– Ну, куда меня направят. Домой, в Новгород. Во всяком случае, если вещи всплывут где-нибудь, они грабителей арестуют.

– Не в Новгород тебя направят, – остановился возле него Егор Петрович, – а в больничку на обследование.

– В какую еще больничку?

– В какую, – издевательски ухмыльнулся Егор Петрович, блестя на Илью стеклышками очков. – Известно в какую – в психиатрическую, на Пряжку, – там Гоголь лечился. Или в Кащенко... Да мало ли дурдомов в городе...

– А зачем меня в дурдом? – Илье сделалось не по себе. – Я ведь не психую.

– Бывает такое заболевание, – Егор Петрович опять заходил по комнате, заложив руки за спину и ссутулившись, – когда человек совершает поступки неосознанно, а потом вспомнить не может, чего натворил. Случается, уедет куда-нибудь, очнется в другом городе. Александра Грина-то читать приходилось? А откуда ты знаешь, что не натворил

там что-нибудь ужасное, а?

Егор Петрович опять подошел к Илье, склонился над ним, пристально глядя на него широко открытыми глазами (стекла очков делали их еще больше), и Илье стало страшно...

– А?! Откуда тебе это известно? Пока ты в дурдоме за семью замками да решетками отсиживаешься, милиция какое-нибудь зверское убийство с особой жестокостью обнаружит. Тело расчлененное с кишками вывороченными... Куда его девать?! Вспомнят о тебе. Вон, далеко ходить не надо, в доме напротив, говорят, преступление совершилось. Сегодня целый день милиция туда-сюда ходит... Ты же ничего не помнишь – на тебя повесят. И никогда ты из психушки не выберешься. Ни-ког-да...

Егор Петрович грозил ужаснувшемуся Илье длинным и кривым пальцем.

– А что же мне делать?

Понимая, что влип в какую-то мерзкую историю и то, что Егор Петрович отчасти прав, Илье окончательно сник. Больше задать этот вопрос было некому.

В дверь постучали – Илье втянул голову в плечи.

– Егор Петрович, вы Глюку не видели? – В дверях стоял молодой человек в спортивном костюме. – Глюка не пробежала?

Молодой человек был предсмертного вида: худ, лицом желт, глаза водянистые и пустые, казалось, стоит дотронуться до него, и руке будет холодно.

– Нет, не было ее.

Молодой человек кивнул и словно бы выплыл за дверь.

– Вон Сема Никакой, с железным сердцем, тоже помнит плохо. Никакой – это у него фамилия такая. Так он в дурдоме на учете. Таких на учет ставят, и правильно делают. Ну ты, Илья, не переживай – поживешь у меня недельку, может, чего вспомнишь, а там видно будет. Во всяком случае, предлагаю тебе политическое убежище. И самое главное... Самое главное постарайся вспомнить. Теперь от этого, может быть, жизнь твоя зависит.

Илье от этих слов стало совсем нехорошо.

– Но ты не волнуйся – так мы это дело не оставим, – успокоил Егор Петрович. – Знаю я рецептик одного зелья, бабка меня научила, для просветления памяти очень даже помогает.

Егор Петрович ушел в кухню варить бабкино зелье. Илья остался один. Он был благодарен этому приютившему его человеку. Поначалу хозяин комнаты не понравился Илье, но это был единственный человек, протянувший ему руку помощи... И что-то в нем все-таки настораживало Илью.

От нечего делать Илья оглядывал окружающие предметы. На столе рядом с двумя стопками книг стояли чугунная статуэтка филина, стаканчик для карандашей и еще один странный предмет, очень похожий на миниатюрный гробик, искусно вырезанный из дерева, на четырех львиных лапах. Скорее, это был саркофаг.

Илья попробовал открыть крышечку. Это удалось не сразу... Наконец крышка поддалась...

– Ф-фу, ты-ы... – прошептал Илья, заглянув внутрь саркофага.

Вся его внутренность почти до краев была наполнена насекомыми. Мухи, гусеницы, тараканы – все они были мертвы. Илья не сразу понял, чего не хватает этим набросанным навалом насекомым. Все они оказались обезглавлены: и мухи, и гусеницы, и тараканы... Хотя нет, у некоторых из них были вскрыты животики.

"Может, он биолог?" – подумал Илья, закрыв крышечку саркофага.

Он встал из-за стола, подошел к стеллажу. Более всего здесь было книг о городе Санкт-Петербурге и сказок. Илья выбрал одну большую старинную книгу, полистал ее, рассматривая картинки, поставил на место, взял другую – тоже полистал...

Скоро вернулся Егор Петрович, неся чашку.

– Здесь вот травка заварена кой-какая – выпей. Глядишь, и поможет вспомнить.

– До чего же мерзкий запах, – пожаловался Илья, понюхав жидкость в чашке. – Вы сами-то эту гадость пробовали?

– Склероз будет – попробую.

Жидкость была густой и на вкус противной.

– Я смотрю, у вас много книг о городе, – сказал Илья, выпив напиток и пересев на диван.

Егор Петрович уселся за стол.

– Да, я собираю легенды, мифы, сказки. В основном меня интересует все, что связано с этим городом, он хранит в себе и о себе столько легенд. В нем много непонятого.

На стене висела большая старинная карта Санкт-Петербурга. Илья, встав с дивана, подошел к ней.

– А что это за крестики красные? – приглядевшись к антикварной карте, спросил он.

Егор Петрович тоже подошел к карте.

– А это отмечены здания и места, о которых мне известны легенды. Их более ста. – Он оживился. – Вот, к примеру, – он указал пальцем на один из крестиков, – памятник Екатерине Второй, в самом центре города стоит. Так под ним, в фундаменте, замурован клад. Клад свой хранит и шпиль Адмиралтейства. Там, на шпиле, в позолоченном шаре, спрятана кубышка из червонного золота, а в ней образцы монет, когда-либо отчеканенных в Петербурге. В этом городе земля нашпигована кладами – кажется, стоит копнуть...

– Да-а, – вздохнул Илья. – А вы сами не пробовали клады искать?

– Это же легенды – в них серьезно верить нельзя. И потом, ведь клады обычно заклеты и не каждому они на глаза попадают. Или вот легенда об этом месте...

Где-то за стеной пробили часы.

– О! Это что, уже двенадцать?! – вдруг отчего-то переполошился Егор Петрович. – Все-все! Давай скорее спать ло-

житься... Завтра все расскажу...

"Что же легендолог режим соблюдает, как младенец? Странно!" – подумал Илья.

Егор Петрович постелил Илье на диване, напротив письменного стола. Сам же лег на тахту, за шкафом.

– Самое главное, вспоминай, – сказал Илье Егор Петрович, устроившись на ночлег и в полной уже темноте. – От этого, может быть, твоя жизнь зависит...

"Почему жизнь? – думал Илья, засыпая.-Почему жизнь? А ведь что-то Егор Петрович знает. Знает, но говорить не хочет..."

Илье снился страшный сон. В руке он держал окровавленный нож, от которого шел пар. А вокруг Ильи безмолвно, без движения стояли люди. Было слишком темно, и Илья не мог видеть их лиц. Он сжимал липкую от крови рукоять ножа, и ощущение это было удивительно реально... Потом он мчался вниз по лестнице, и ему вслед орал кто-то жутким голосом:

– Каккала мунки баля! Акки бада!..

Он бежал вниз, вниз, вниз...

– Как ка бада! Атхилоп хал!..

Нет, это уже не во сне. Илья открыл глаза, прислушался.

На столе горела лампа. Сам хозяин комнаты в майке сидел за столом. Волосы его были взъерошены, стекла очков угрожающе поблескивали. Рядом с ним на столе стояла стеклянная банка, а перед ним тот самый, набитый казненными на-

секомыми, саркофажик, привлечший внимание Ильи.

– Как кала, атхилоп хал!.. – негромко, но с выражением выговаривал Егор Петрович.

В руке его поблескивал маленький перочинный нож. Продолжая что-то бурчать на иностранном языке, легендолог открыл банку, стоявшую рядом с ним, пошерудил в ней рукой, достал то, что искал. По жалобному жужжанию Илья догадался, что это муха. Егор Петрович положил муху на крышку саркофажика и, выкрикнув часто повторяемую им фразу: "Атхилоп хал!" – тюкнул по ней ножичком. Потом снова полез в банку, снова проделал то же действие с тем же возгласом...

Прищурившись, Илья следил за хозяином комнаты. Временами его охватывал ужас от мысли, что он находится ночью у человека с садистскими наклонностями. А ну как он и ему головушку ножичком оттяпает?! Каково ему будет?! "Ух, влип! Ух, влип!.." – ужасался Илья.

– Атхилоп хал!..

И тюк насекомое ножичком.

– Атхилоп хал!..

Ножичком по крышечке тюк...

Поначалу испугавшись, Илья постепенно привык к однообразию звуков, глаза слипались. Он закрыл их...

– Атхилоп хал!..

Глава 2

НЕПОНЯТНОЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Проснулся Илья рано и, открыв глаза, сразу понял, что окровавленный нож и ночная массовая казнь насекомых ему приснились. Одна из частей занавеса была отодвинута, в комнате было светло. Но вставать с кровати Илья не торопился. Ему казалось, что он вспомнил. Картина была неотчетливая, словно впотьмах и вдалеке мелькают какие-то тени, и движением своего тела он боялся распугать эти тени, разрушить пока слабый, зарождающийся сгусток памяти. Он лежал так долго.

Вошел Егор Петрович. Увидев напряженное лицо Ильи и ничего не сказав, поставил на стол чашку. По запаху Илья догадался, что в ней.

– Что-то как будто, – пробормотал Илья с сомнением. – Хотя не зна-а-аю...

– Ты на голодный желудок прими стаканчик. -Егор Петрович уселся за стол и, слюнявя пальцы, стал перелистывать страницы большой старинной книги. -Может, прозреешь.

Илья, пересилив лень, поднялся и, надев длинный халат Егора Петровича и закатав рукава, подошел к столу.

– Что же, Егор Петрович, я так и буду у вас неизвестно от кого скрываться?

– Почему неизвестно? – не прерывая чтение, произнес хо-

зьяин комнаты. – Известно.

– Ну а раз известно, скажите мне, -раздраженно проговорил Илья, с омерзением глядя на чашку со зловонным напитком, – что же я, по-вашему, до пенсии у вас жить буду?

– Ты вспомни, что можешь. – Закрыв книгу, Егор Петрович уставился своими паучьими глазами на Илью. – Может, там у тебя такое!..

Илья решительно взял чашку и, морщась, выпил до дна.

– Так мне теперь и на улицу не выйти, – сказал он, отдышавшись. – Я ведь в Питере не был никогда. Мне интересно архитектуру там посмотреть всякую. Ведь меня жена бросила, я ведь сюда смотреть приехал, -неизвестно зачем добавил он.

– Если днем, то пожалуй... Ладно, подбери себе что-нибудь. – Егор Петрович указал на стул у окна, на котором лежал ворох одежды.

От одежды доносились "гуманитарные" запахи. Илья подошел и стал перебирать вещи. Одежды было много и по размеру можно было выбрать.

– Тебе, Илья, сколько лет-то?

– Двадцать четыре осенью исполнится, – ответил Илья, рассматривая одежду.

– А с женой что же развелся?

– Вообще-то она красивая была. У нее уха не было левого, но это мне и нравилось.

– Несчастный случай, с ухом-то?

– Да нет, родилась такая. У нее сестра-близняшка тоже без уха.

Илья натянул брюки.

– А развелись отчего? – спросил Егор Петрович участливо.

– Она меня из-за гвинейца бросила, чтобы эмигрировать в Гвинею. Надоело ей в Новгороде жить. В теплые страны потянуло. А мне грустно стало: я ее все-таки любил, вот и поехал проветриться – вот и проветрил мозги, так что ничего не помню.

Переодевшись, Илья подошел к трюмо, придирчиво осмотрел себя в зеркале. Собственный вид его вполне удовлетворил, особенно ему понравилась зеленая куртка с карманами.

– Ну а ботинки у тебя свои. Сейчас сходи в булочную. По воздуху прошвырнись, на Неву полюбуйся. Пока не стемнело – можно... Но самое главное – по сторонам смотри, вспоминай.

Дворик был озеленен тремя чахлыми липами в центре заасфальтированной площадки и несколькими кустами недавно отцветшей сирени. Весь этот оазис оберегался крохотным заборчиком и среди жителей двора назывался садом.

В саду, держа под мышкой красно-черный мячик, оказалась знакомая Илье девочка; рядом с ней стоял мужчина в больничной фланелевой пижаме и что-то пытался растолковать ей, при этом он размахивал левой рукой, правую же дер-

жал в кармане пижамной куртки. Увидев вышедшего из парадной Илью, человек, оставив девочку, бросился через кусты сирени вон со двора. Убегая, он дважды оглянулся, словно ждал, что Илья побежит за ним вдогонку.

– Что это за тип? – подходя, спросил Илья девочку.

– А ты что за тип? – поинтересовалась девочка с серьезным лицом, при каждом слове "фонтанчик" волос на ее голове вздрагивал. Илья, не зная, что ответить, не стал продолжать эту тему.

Девочка смотрела на него молча и мрачно. Что-то легко коснулось его плеча. Илья оглянулся. Сзади стоял мужчина.

– Без рук, без ног, а ходит, – бесстрастно сказал мужчина Илье.

– Извините, не понял. – Илья повернулся к нему всем телом.

Человек был ростика небольшого. Хотя щеки и подбородок его покрывала щетина, но лицо выглядело женским. Он был одет в черную футболку и брюки, но на голове имел странный высокий убор восточного образца.

– Чего не понял-то? – с вызовом переспросил он. – Без рук, без ног, а ходит.

– А! – догадался Илья. – Вы у девочки спрашиваете! – Илья оглянулся. Но девочка куда-то запропастилась, он оглядел весь садик, но так и не увидел ее.

– Последний раз тебя спрашиваю, – устало вздохнул низкорослый человек. – Без рук, без ног, а ходит. Если не отга-

даешь, – он погрозил пальцем, – плюну, – и зашмыркал носом, набирая побольше слюны во рту.

Илье шутка не нравилась. А ну как вправду плюнет.

– Ну, часы...

Человек удовлетворенно вздохнул и, довольный тем, что не пришлось тратить на Илью драгоценную слюну, повернулся и пошел к парадной. Илья облегченно вздохнул, решив идти в булочную. Когда он выходил со двора, мимо с душераздирающим воем промчалась машина "скорой помощи".

Илья вышел на улицу, осмотрелся. В памяти ничто не шелохнулось – он совсем не помнил этой улицы, домов... "Галерная улица" – гласила надпись на табличке. Улица была неширокой, на другой ее стороне стоял нежилой дом, его Илья уже видел из комнаты Егора Петровича. Стекла в доме остались не везде, и выглядел он уныло. Тогда возле ворот стоял милицейский автомобиль, сейчас же машин не было. Только одна иномарка с затемненными стеклами одиноко стояла у обочины, и как будто в ней кто-то сидел... Железные, черного цвета ворота были приотворены. Илья с другой стороны улицы смотрел на щель в воротах. Ему хотелось, нестерпимо хотелось войти во двор. Что-то подобное у него случалось и раньше. Он любил живописные следы разрушения прошлого, которое жило когда-то в этом месте; живет и сейчас, но измененное временем до неузнаваемости, умирающее. Оттого еще он любил смотреть в лица стариков и

старух, у которых тоже есть прошлое...

Но сейчас это желание было резче и отчетливее.

Илья перешел на другую сторону улицы и оглянулся – нечастым прохожим не было до него дела. Илья сначала осторожно, словно нечаянно, заглянул в щель ворот, а потом проник весь.

В подворотне стоял сырой полумрак, пахло грибами, мусора почти не было. Илья прошел во двор. В центре двора-колодца по горам хлама лазал бесстрашный рыжий кот с черным пятном на спине. Он посмотрел на пришельца и стал копать в песке ямку.

Илья с интересом озирался кругом, ему отчего-то казался этот дворик знакомым, словно бывал он здесь много лет назад, когда в нем жили люди. Вот здесь, в углу, стоял помойный контейнер. Илья посмотрел в ту сторону, ища глазами помойку, но увидел лишь пустое место, будто контейнер действительно стоял здесь и увезен совсем недавно. Рыжий с черным пятном кот, закопав ямку, крадучись уходил из туалета. Следя за животным, Илья натолкнулся глазами на старый зонтик, слегка присыпанный мусором.

– Странно... – Присматриваясь, Илья сделал несколько шагов к горе мусора, перешагнул через скелет стула и поднял зонтик. – Странно... Это же мой зонтик, который я с собой в сумке привез. – Он повертел его в руке. – Да вот же, и спица сломана...

Илья посмотрел на гору мусора: обломки кирпичей, двер-

цу от холодильника, детскую коляску, металлический щиток с надписью "Красная улица"... Невдалеке лежал носок, очень похожий на тот, в котором он приехал в Петербург. Он высоко поднял ногу и сделал еще один осторожный шаг через завал, не теряя носка из виду...

Скрип ворот заставил Илью вздрогнуть. Он обернулся. К нему неторопливо шел мужчина. Илья замер в неудобной позе, глядя на человека. Когда тот вышел из полумрака подворотни, Илья разобрал, что это милиционер.

– Так. Значит, все, что плохо лежит, тащи домой. Так, надо полагать.

– Да нет, – растерялся Илья, перебираясь обратно.

– Вещичку себе присмотрели?

Илья взглянул на неновый зонтик и отбросил его в сторону.

– А известно ли вам, что здесь ходить запрещается? Что это территория музея? А следовательно, все, что здесь лежит, надо полагать, принадлежит государству: и зонтик старый, может быть, не зонтик, а экспонат, и... О! – Милиционер нагнулся и поднял с земли сумку. – Совсем хорошая!

"Это же моя сумка", – подумал Илья.

– Я и говорю – принадлежит государству. Я лицо, надо полагать, государственное, – продолжал свою незатейливую мысль сержант. – Ладно, пойдемте.

Илья с сержантом вышли на улицу. Сержант затворил ворота, сковав две их половинки цепью, и повесил огромный

замок. Но, не имея ключа, не закрыл, оставив его для красоты.

– Сейчас идите домой, – сказал он, повернувшись к Илье. – У меня времени нет с вами возиться. А в другой раз вас в отделение непременно отведу. Эх, знали бы вы, какое здесь злодейство вчера совершилось, не ползали бы, надо полагать. Или случайно потянуло?..

– Во-во, потянуло, – вдруг виновато заулыбался Илья.

Сержант посмотрел на него внимательно:

– Значит, потянуло? А знаете ли вы, что убийцу на место преступления всегда тянет? И если психологию там всякую подключить, то, надо полагать, вас нужно арестовать. Потому как в этом доме и есть место преступления, куда вас, как вы изволили заметить, тянет... А что это вы так побледнели?

– Да совсем я и не побледнел.

Илья глубоко вздохнул, смутившись под пристальным взглядом.

– Нет, побледнели, – настаивал сержант.

– Да не побледнел я, – продолжал отнекиваться Илья.

– Я же вижу, что побледнели, – упорствовал наблюдательный сержант. – Что же вы спорите?..

– Скажите, а что за преступление? Что тут случилось?

– Лучше вы мне скажите, – пристально вглядываясь в лицо Ильи, вдруг сказал сержант. – Где вы предыдущую ночь провели, а? Кто свидетели? Или таких нет?

– Да почему, есть... Я тут в доме напротив у Егора Петро-

вича остановился, а сам я из Новгорода,-растерянно оправдывался Илья.

– А в какой квартире? – каверзно продолжал задавать вопросы сержант. – А у вас, надо полагать, и фамилия с именем-отчеством есть? А надолго вы в Питер?

На все вопросы Илья отвечал без запинки.

– Ну ладно, Илья Николаевич, можете идти, пожалуй. Хотя, если по психологии...

– А что там за преступление совершено? – спросил Илья.

– Ведется следствие – до окончания следствия говорить нельзя. Дело ведет следователь Свинцов. Если вы понадобится – а вы непременно понадобится,-вас вызовут, – сухо сказал сержант и, словно давая понять, что разговор окончен, уселся на каменный столбик у ворот и углубился в разглядывание сумки, которую ему повезло найти в мусоре.

Илья неторопливо двинулся в сторону площади Труда. Сержант поглядел ему вслед, достал блокнот и стал что-то в него записывать.

Илья был озадачен. Он и вправду испугался, когда милиционер вдруг сказал о преступлении. И всплыл перед глазами Ильи липкий от крови нож, виденный им в ночном кошмаре. Почему именно сейчас всплыл?.. Илье сделалось даже дурно. Но ведь действительно потянуло Илью во двор... Почему?!

Купив буханку хлеба и батон, Илья не сразу пошел обратно. Он прогулялся к Неве. Невский простор ему не по-

нравился – слишком ветрено, хотя и была в нем непонятная прелесть. Небо было облачным, Нева текла в одну сторону, облака мчались в другую... Илье нравились города поменьше, поуютнее. Видел он на другой стороне Невы двух огромных сфинксов и дошел до памятника Петру Первому; постоял возле него, подумав, что змея под копытами больше напоминает земляного червя; полюбовался на глыбу Исаакиевского собора, дивясь, что этакая помпезная махина от тяжести до сих пор под почву не ушла; дальше идти не захотел, а повернул назад. Все это время в голове Ильи происходила бесполезная изнурительная работа – он пытался вспомнить хоть что-нибудь из того, что приключилось с ним. Но тщетно. Ни до чего определенного додуматься он не смог.

В задумчивости Илья дошел до улицы, на которой жил Егор Петрович. Из подворотни неожиданно прямо на него вышел человек в пижаме. Увидев Илью, он вдруг метнулся в сторону и побежал сломя голову, пока не скрылся за поворотом. Следя за ним, Илья вспомнил, что сегодня уже видел во дворе этого странного типа, разговаривавшего с девочкой. "И чего он меня так боится?" – подумал Илья.

Сзади неожиданно резко взвыли тормоза. Илья обернулся. В трех метрах от него остановилась машина "скорой помощи", из нее выскочили двое рослых санитаров в белых халатах.

– Стоять! Не двигаться! – заорал один из них, подбежав и ударив Илью в живот.

Перехватило дыхание, Илья согнулся. Второй подоспевший санитар вмазал по почкам. Илья вскрикнул, прогнулся, уронил пакет на асфальт...

– Руки на стену! – яростно заорали ему в ухо.

Его швырнули к стене дома. Илья, от боли и страха ничего не понимая, поставил на стену, как ему велели, руки и, широко расставив ноги, замер, готовый исполнять любые команды, лишь бы не били. Он чувствовал, как ему ощупывают ноги, туловище, выворачивают карманы, тщательно осматривая их содержимое. Санитары изредка переговаривались между собой и обыскали для верности дважды.

– Ну вроде нет, – сказал один.

– Значит, не он, – сказал другой.

– А ты в заднем кармане посмотрел? Посмотри еще раз.

– Да уже смотрел. Пусто.

– Опустите руки и повернитесь, – сказал первый.

Илья послушно исполнил команду.

– Недоразуменьице вышло, – сказал второй. – Мы ловим маньяка с бритвой по кличке Парикмахер, убежал из психбольницы. Очень опасен. Так что если увидите его – сообщите.

– Если сможете, – прибавил первый, озирая щуплую фигуру Ильи.

Илья с трудом понимал, о чем речь.

– Вон, смотри-ка, мужик какой-то, – воскликнул второй санитар, толкнув локтем первого. Они бегом бросились к ма-

шине. "Скорая помощь" сорвалась с места. Илья в изумлении смотрел ей вслед.

В конце улицы взвыли тормоза. Выскочившие санитары швырнули какого-то прохожего к стене и начали обыск. Только тогда Илья пришел в себя, поднял пакет с хлебом и заспешил дальше.

Глава 3

...КАК СУМАСШЕДШИЙ С БРИТВОЮ В РУКАХ

Дверь в квартиру была приотворена. Илья прошел в комнату Егора Петровича – хозяина не оказалось дома. Илья уселся на диван и закинул ногу на ногу.

"Нужно идти в милицию, – размышлял Илья. – Этот Егор Петрович тип все-таки подозрительный и явно что-то скрывает. А может, он садюга... Нет, нужно идти в милицию..."

Илья встал, направился к двери, но, не дойдя до нее, остановился. "А что я им скажу? Что ничего не помню, ничего не знаю... Бред какой-то!" – Илья снова уселся на диван и обхватил голову руками. "Еще и сержант этот в выселенном доме, как назло... Ведь наверняка скажет, что я там был... Подключит психологию, и все! Не отвертишься. А какое там злодейское преступление совершилось? Вот бы узнать... Да-а... Влип дальше некуда. Предположим, что Егор Петрович занимается зомбированием – лишает памяти, – размышлял дальше Илья. – Потом подчиняет себе, заставляет делать все, что угодно ему... А если он меня убить кого-нибудь заставит? Ведь зомбированный человек может и убить... Да нет, чушь какая-то!.."

Все объяснения, выдуманные Ильей, ему не нравились; но

то, что Егор Петрович что-то скрывает, – это факт.

Илья поднялся с дивана, подошел к окну. По краю крыши заброшенного дома крался рыжий кот с черным пятном на спине. Он подбирался к безмятежно пасущемуся возле водосточной трубы жирному голубю. Илья подумал, что у кота не кружится голова и он не боится высоты оттого только, что у него отсутствует воображение, а если бы животное представило (хотя бы на мгновение) свое тело разбившимся об асфальт, то непременно грохнулось бы от ужаса вниз. Промчалась машина "скорой помощи" с охотниками за безумным Парикмахером. Илья содрогнулся. Что может быть ужаснее сумасшедшего с бритвой в руках, поджидающего в темной парадной. А если действительно он ходит где-то по улице, заходит в дома, в квартиры? И сюда ему ничего не стоит войти преспокойненько – Илью ведь пропускают без сомнений. Позвонит в дверь. Ему откроют: "Здравствуйте!" И вж-жих – бритвой по горлу. Потом в комнату, первую попавшуюся, шась, и перережет всех, как баранов. А что с него возьмешь?! Сумасшедший. Бр-р-р...

Илья пытался представить себе этого злодея, но не мог. И тут внизу на мостовой он увидел девочку с мячиком под мышкой, она разговаривала с каким-то мужчиной. Сверху Илья не сразу признал пугливого типа в пижаме. Похоже было, что он, жестикулируя левой рукой, правую же держа в кармане, пытается что-то доказать девочке. Девочка, кивая, протягивает ему руку... И до Ильи вдруг доходит – ведь это

и есть сумасшедший, о котором говорили санитары: пижама, загнанные глаза!.. И руку он держит в кармане, потому что там у него бритва, острая-преострая бритва!.. Ведь это и есть маньяк-убийца Парикмахер!! И маленькая девочка!.. Она не знает об этом!.. Вот сейчас он заведет девочку в пустой дом, поигрывая в кармане бритвочкой, заманит в подвал: "Пойдем, девочка, у меня там много игрушек. Есть даже большой плюшевый мишка..."

Нужно что-то делать!! Господи! Нужно что-то делать!!!

Илья не сразу справился с задвижкой, рванул створку окна, с подоконника посыпались книги. Только бы успеть!! Только бы успеть!.. Он изо всех сил дернул вторую раму. Парикмахер уже вел девочку через дорогу к заброшенному дому. Илья яростно дергал раму, но она не поддавалась... Проклятие!!! Он хотел крикнуть через форточку... потом сообразил, что кричать бесполезно – поздно уже кричать, – что, быть может, успеет добежать. Собирался кинуться из комнаты... но тут увидел мчащегося через дорогу и ежесекундно оглядывающегося Парикмахера. За ним гнались двое мужчин в белых халатах. Один, бежавший наперерез, успел ухватить-таки маньяка за полу пижамы, но ловкий безумец выкрутился: санитар не удержал равновесия и, сделав по инерции еще несколько огромных шагов, споткнувшись о поребрик, упал. Встревоженные прохожие шарахались в стороны. Парикмахер забежал в парадную. Оба санитары поспешили за ним.

– Молодцы! Поймают! – с воодушевлением проговорил Илья.

Он закрыл раму и стал собирать с пола книги. Собрав все и сложив на место, он хотел отойти от окна, но движение на крыше привлекло внимание. Из маленького чердачного оконца вылез Парикмахер и, скользя по цинковому покрытию, для равновесия разведя широко руки, стал удирать по крыше вдоль улицы. Илья смотрел на улепетывающего безумца. Должно быть, почувствовав взгляд Ильи, Парикмахер посмотрел в его сторону. Глаза их встретились, Илья содрогнулся – столько загнанного отчаяния было в глазах этого человека. "Этот не задумываясь..."

В то же чердачное окно высунулась голова санитаря. Увидев убежавшего, он бесстрашно выбрался на крышу и пустился в погоню, чуть погодя вылез и второй медработник.

Потом Илья еще долго видел мелькавшие вдалеке между печными трубами и телевизионными антеннами белые докторские халаты.

Было три часа дня. Егор Петрович все не приходил. Илья вновь, как утром, ощутил слабость в теле, прилег на диван. Снова за стеной кто-то играл на фортепьяно, и снова Илье казалась музыка эта странной, нездешней и даже неземной. Но сейчас, лежа с закрытыми глазами, Илья находился в состоянии странного полузабытья. Он вспоминал, или ему только казалось, что вспоминает...

На вокзал в Петербург Илья прибыл в девять часов вече-

ра. Очутившись впервые в таком большом городе, он поначалу немного растерялся и не сразу разузнал, как доехать до Красной улицы. Оказалось, ее переименовали. До площади Труда Илья добрался только в одиннадцать часов.

Наступили белые ночи. Небо было затянуто тучами, начинал моросить мелкий дождь. Нужная Илье улочка разделялась площадью, и он, конечно, из-за вечного своего невежества сначала очутился на другой стороне площади. Прохожих было мало – спросить оказалось не у кого. Он перешел площадь и побрел, озирая дома в поисках нужного номера.

Неожиданно с негромким шуршанием что-то задело его по ногам. Илья опустил глаза. Это был красно-черный резиновый мячик. Он поднял мяч и огляделся. Никого поблизости не было. Он растерянно стоял, держа в руках мячик, не представляя, что с ним делать. Из подворотни вышла девочка лет шести, она молча остановилась напротив Ильи и уставилась на него серьезными глазами. Он тоже некоторое время молчал, ожидая, что она начнет разговор первой и хотя бы попросит у него мячик, но разговаривать ей, как видно, не хотелось. Илье надоело ждать.

– Это твой мячик? – спросил он.

Девочка не ответила.

– Твой? – Илья протянул мячик.

Она, не видя мяча, машинально взяла его в руки, продолжая изумленно смотреть мимо него в сторону. Илья обернулся и вздрогнул.

Сзади него по проезжей части двигалось многочисленное общество людей. До того, как он повстречал девочку с мячом, улица была абсолютно пуста, а тут – сразу множество народу, и он не услышал их приближения.

Их было человек тридцать – сорок, но люди были какие-то странные: очень высокого роста, одежда – грязная и мятая, лица имели землистый цвет и удивительно светлые, почти прозрачные, глаза. Мрачные люди несли на руках сидящего человека... Нет, это сначала Илье показалось, что это человек, – на их руках восседал идол, то ли искусно вырезанный из дерева, то ли слепленный из глины. Был он в человеческий рост, бел лицом до неестественной светящейся белизны. Статуя сидела с протянутыми вперед руками. Вид ее приковал внимание Ильи: что-то в ней было не так – форма лица и то, как она восседала на бережных руках... Илья вздрогнул. Ему вдруг почудилось, что это живой человек. Да, обыкновенный человек, только тело его окостеневшее не может сделать движения. Илье даже померещилось, что он смотрит, смотрит в щелки сквозь прикрытые веки вымазанного белилами лица. Сделалось ему жутковато от этой мысли, но он, как под гипнозом, глядел на демонстрацию, не имея воли отвести глаза.

В задних рядах тихонько разговаривали между собой. Речь была не русская – с непривычными, не славянскими, вывихами, резкостью и отрывистостью звучания. "Бог ты мой, это же иностранцы!" Илья ужаснулся странной догадке,

потому что одеждой и затхлым запахом, веявшим от шествующих, они никак не напоминали заморских гостей, скорее аборигенов-бомжей. Демонстрация свернула во двор нежилого выселенного дома, а Илья все еще стоял в дурацком состоянии, глядя ей вслед...

Но что было дальше?..

Лежа на диване, Илья старался вспомнить, что же было дальше... Но не мог.

Вернулся Егор Петрович, сел верхом на стул и стал молча глядеть на Илью.

– Ну, давай рассказывай, – устало проговорил Егор Петрович, когда Илья поднялся с дивана.

– Да чушь какая-то... Люди какие-то будто несли статую на руках...

– Нет уж, ты давай подробно расскажи. Это очень важно.

И Илья подробно рассказал все, что вспомнил.

Егор Петрович выслушал рассказ Ильи с любопытством и очень внимательно.

– Вот что, значит, помнишь? Ну, будем вспоминать дальше, – как-то странно глядя на Илью, проговорил легендолог.

– Это, пожалуй, на сон больше похоже. А вошли они как раз во двор дома напротив, в котором преступление совершилось. – Илья внимательно всмотрелся в Егора Петровича. – Вы знаете, а ведь они, люди эти, на вас чем-то похожи. – Он улыбнулся. – У вас ведь тоже глаза светлые и рост высокий...

Илья хотел рассказать Егору Петровичу про сон, приснившийся этой ночью, в котором хозяин комнаты казнил насекомых, восклицая на чужом языке, по звучанию, кстати, напоминавшем тот, на котором переговаривались странные демонстранты... Но, заметив злобный блеск в глазах Егора Петровича, передумал и насторожился.

– Мне завтра с утра в милицию, – сказал Егор Петрович, поднимаясь со стула. – Повестку прислали. Чего им от меня нужно – ума не приложу. – Он подошел к столу и, взяв с него кружку с заваренной травой, поднес Илье. – Выпей.

– Послушайте, Егор Петрович, – взяв чашку из рук легендолога, Илья встал с дивана и, не притронувшись к ее содержанию, поставил на стол. – Если честно говорить, вы ведь что-то знаете. Знаете, а меня за дурака держите. Дрянью какой-то поите. Не буду я ваше зелье больше пить, если вы мне правду не расскажете.

Илья сел на диван и демонстративно закинул ногу на ногу.

– Рассказать, – повторил Егор Петрович, подходя к Илье. Снизу, с дивана, он казался великаном. – Да знаешь ли ты, что если я тебе расскажу...

Он прервался и замолчал.

– И что случится? Ведь никто об этом не узнает, – оживился Илья. – Я никому не скажу. Клянусь!

– Не скажешь... Да знаешь ли ты... – Егор Петрович перегнулся своим длинным телом и, оперев руки в бока, уставился в глаза Илье, блестя стеклышками очков. – Да знаешь

ли ты, что, если расскажу, подвергну тебя чудовищной опасности? Про это, кроме меня, никто не знает. Я-то сам в вечном страхе. Зря я, что ли, на пятом этаже живу...

– Егор Петрович, да я же никому ни слова, обещаю, – испуганно твердил Илья.

Егор Петрович, не слушая, подошел к двери, тихонечко приотворил ее и выглянул в коридор.

– Ладно. Только ты, Илья, запомни, – усевшись рядом с Ильей на диван, вполголоса заговорил Егор Петрович, – открою тебе только потому, что ты из другого города. Но не ручаюсь я за твою жизнь и рассудок, если ты расскажешь кому-нибудь то, что от меня услышишь.

Егор Петрович придвинулся к Илье ближе и начал, не замечая присутствия в комнате еще одного незаметно вошедшего и остановившегося возле двери человека.

Глава 4

ЛЕГЕНДА О ПОДЗЕМНОМ НАРОДЕ

(Бред Петра Великого)

Глюкин отец Сема Никакой имел железное сердце и был в постоянном плавном движении никуда. Он ненавидел себя и активно боролся с собой при помощи химических и растительных медикаментов. Сема Никакой был худ и бледен настолько, что почти не отбрасывал тени и слабо отражался в зеркале. Лекарство от себя он покупал на рынке у лиц кавказской национальности. Более всего на свете Сема Никакой не мог мириться со своим естественным состоянием, и если не имелось возможности достать то, что исправило бы его самочувствие, он начинал либо часто-часто дышать, пока не мутнело в глазах и он не оказывался на грани обморока, либо кружился на месте до потери ориентации. Эти состояния он называл "примитивный кайф", ощущая себя простейшим организмом. Его любимая дочь Гликерия, по-домашнему просто Глюка, жила с отцом. Бывшая жена Семы (чью фамилию он с гордостью носил) ушла к какому-то мужчине,

выплачивая на дочь ежемесячные алименты. Раз в месяц мама Глюки приезжала на розовой машине марки "фламинго" и увозила дочь кататься. А Сема, радостно тикая, бежал на рынок и покупал лекарство от себя на все алименты.

Десять лет назад, защищая диссертацию, врачи вставили Семе Никакому в грудь (на смену сработавшему медикаментами) новенькое и блестящее металлическое сердце – с тех пор Сема тикал. Сердце было, конечно, не сплошь из металла, а только какая-то незначительная его часть; но все равно врачи, делавшие операцию, гордились до пенсии.

Сема Никакой блуждал по квартире в разное время суток, все путая: день с ночью, дверь своей комнаты с чужой, потолок с полом... И сейчас, перепутав двери, Сема зашел в комнату Егора Петровича и стоял в задумчивости, привалившись плечом к шкафу, глядя пустыми глазами на парочку, устроившуюся на диване, и слушаая.

– О строительстве Петербурга много легенд ходило. Некоторые живы и до сих пор, – таинственным голосом начал Егор Петрович, приблизив к Илье лицо. – Испокон века место это считалось гиблым. И мысль строить здесь город только странную голову посетить могла. Ты, Илья, наверное, знаешь – это не секрет, – что вся та ветвь Романовых, к которой принадлежит Петр Первый, была как бы не в себе. В основном страдали они слабоумием. Пожалуй что только один Петр Первый выдался нормальным... Но это у историков-психиатров вызывает сильные сомнения. Некоторые исследовате-

ли приходят к выводу, что у Петра Первого бывали галлюцинации и бредовые состояния. Не знаю, как это называется на научном языке, но в таких состояниях он становился неподвластным разуму. Что будто бы вот в таком его самочувствии и проходило строительство Петербурга. И строился он (уже заранее на погибель) как бы в Петровом бреду. И вона какой городище отгрохал! У большого человека и бред соответствующий. Но прежде, до того, как Петр Первый приказал строить Петербург, жили на этой болотистой земле финские племена чухарей, води и ижорцев. Но самым загадочным и пугающим среди них был белоглазый народ, носящий название "чудь". В те времена это был гордый и могущественный народ. Жили они в землянках, и славились их шаманы колдовской силой. Когда Петр придумал здесь город строить, то стал, естественно, местные племена вытеснять. Одни приручились – начали помогать Петру в строительстве, другие на север, в Карелию, уходить стали. И лишь одно племя – чудь – не желало с места уходить, а только все глубже в землю закапывалось. И тогда велел Петр закладывать непокорный народ сверху камнями и зданиями застраивать, чтобы передушить всех гнетом города. Говорили, что чудь подрубала сваи, державшие земляной потолок, и хоронила заживо. И сверху их еще землей приваливали, будто опасаясь, что выберутся. И видно, не зря опасались. Говорят, что Петербург построен на человеческих костях – так и есть в буквальном смысле.

Но через некоторое время стали появляться белоглазые посланники из подземелий. Донесли, конечно, царю. Тут Петр расвирипел не на шутку и приказал всякого из племени чудь казнить принародно. Тогда казни были делом обычным. Трудно оказалось поймать представителей этого странного народа. Были у них шаманы сильные – "глаза отводили", да и без шаманов не изловить их под землей было. Только после наводнений, которые часто случались в Петербурге, всплывали их черные от земляной жизни тела. Постепенно о них забыли, потому что Петр, рассудив, решил замалчивать их существование; но тайные люди выслеживали около нор подземных жителей и убивали. Екатерина Вторая больше всего боялась чуди и велела набережные в гранит заковыдать, чтобы не было им доступа к невиской воде. Но не так просто оказалось победить тайный народ. Ведь даже в памятнике Петру Первому, заказанном Екатериной Второй, в виде змеи Фальконе изобразил чудь подземную.

– Мне тоже змея похожей на червя земляного показала, – вспомнил Илья.

– Так оно и есть – в змее червя скрыли. И вот шла эта тайная война с основания Петербурга. Когда революция грянула – о чуди забыли. Но когда метро в пятидесятые годы стали строить, тогда и начали чудеса всякие приключаться: то человека чудного в туннеле строители видят, то пустоты в земле обнаруживают, устроенные явно человеческими стараниями. И по сей день живет этот народ под городом. Сколько их

там – никто не знает. Но случается, что выбирают они из-под земли и похищают людей. И не было еще случая, чтобы вернулся кто. Станный это народ: могущественный, неуловимый и непонятный. У них везде уши и глаза, и упаси Бог оказаться у них во врагах. В старинных книгах пишут о белоглазой чуди как о свирепых и беспощадных людоедах. Так что тебе, Илья, повезло несказанно, что ты живым от них вырвался. Но то, что ты рассказал, морока – не так все было, хотя... может быть, что-нибудь...

– Так раз они и людей кушают, значит, нужно, чтобы правоохранительные органы занялись ими как следует.

– А милиция как, по-твоему, под землю ползет? Или город рушить, экскаваторами разрывать почву? А если будешь говорить кому-нибудь, и тебя, как ты выразился, скушают. Большая часть бесследно пропавших людей в Петербурге на их совести. А в Кунсткамере, на втором этаже, в третьем зале, ребенок заспиртованный. Никто не знает, что это и есть детеныш чуди.

– Так что же, выходит, я у чуди побывал?

– Выходит, так, – пожал плечами Егор Петрович. – Но самое главное для тебя сейчас вспомнить, что было дальше. Поэтому выпей и не артачься.

– Ну, мужики... – донеслось от двери. – Ну, мужики...

Илья увидел, как лицо Егора Петровича перекосило, словно от зубной боли; он ссутулился и весь словно сжался, но все так же не отрывал взгляда от лица Ильи.

– Я чувствовал, – проговорил он, обреченно покачав головой, и только после этого медленно повернул голову к двери.

Сема Никакой отделился от шкафа.

– Я прямо от такой истории... приходнулся... -проговорил Сема протяжно и, больше ничего не сказав, бесшумно удалился через дверь, словно растаял.

Ночью Илья видел тот же самый сон: Егор Петрович рубил на саркофажке головы мухам и тараканам, восклицая на незнакомом языке, будучи в состоянии крайнего возбуждения.

Илья следил за ним с дивана, боясь шелохнуться от мистического ужаса перед чем-то темным и непонятным, чему в мозгу его не находилось объяснения.

Закончив смертоубийство, Егор Петрович открыл крышку саркофажика, сгреб туда тела казненных им насекомых. Стекланную банку, где в заточении содержались приговоренные к казни узники, поставил на стеллаж между книгами...

Илья проснулся оттого, что диван дернулся и в комнате кто-то чихнул; он застал на краю своего дивана Егора Петровича, тот сидел, подперев бороду, и смотрел вперед.

– Я раскололся, – сказал Егор Петрович загробным голосом. – Я рассказал все следователю, – минуту погодя, гнуся в заложенный нос, проговорил Егор Петрович. – Все: про чужь, про тебя и про... – Он замолчал и вдруг душераздирающе чихнул в ладони. – Проклятый скрип! Там во всех

кабинетах петли не смазаны, двери скрипят, а я...-Он снова чихнул. – У меня с детства аллергия на скрип. Никогда ничем не болею, а на скрип аллергия.

Егор Петрович встал, подошел к серванту, открыл ящик и, достав из него пузырек с пипеткой, закапал в нос.

Илья поднялся с дивана, облачился в длинный халат хозяина, глядя на аллергика с состраданием.

– В общем, так. – Егор Петрович подошел к Илье. Вид у него был жалкий: без очков, которые он держал в руке, покрасневшие глазки его уменьшились, а внешность совсем перестала походить на паучью – сейчас он скорее был похож на беспомощную муху с оторванными крыльшками...

Илья, вспомнив сон, вздрогнул, бросил взгляд на стеллаж. Между книгами он увидел стеклянную банку с крышкой... Так, выходит, казнь насекомых не приснилась ему... Выходит, Егор Петрович действительно отрезал головы мухам и тараканам. Но зачем? Массовость и своеобразие уничтожения переходили рамки натуралистического интереса, да, пожалуй, заходили и за психические рамки...

– В общем, так. Если со мной что-нибудь случится, – между тем продолжал Егор Петрович, – найдешь Струганого. Он знает, что делать. Адрес я напишу.

Оказалось, что Егор Петрович прождал в отделении со скрипучими дверями целый час, и, когда вошел в кабинет следователя Свинцова, нос буквально разламывало насморком: он чихал, сморкался, из глаз текли слезы; и Свинцов,

видя столь хлипкого свидетеля, не то что не пожалел его, но, узнав о причине такого состояния, начал бесчеловечным образом пытаться несчастного. Когда Егор Петрович не желал рассказывать то, что от него требовалось, следовательно, подлый человек, начинал монотонно раскачиваться на стуле, от чего тот издавал раздирающий лобные пазухи легендолога скрип. И, расстроенный скрипом, Егор Петрович все рассказал следователю: и про племя подземное, и про Илью... словом, все.

Вид у Егора Петровича был плачевный. Из глаз периодически катились слезы, и трудно было разобрать: от сочувствия ли это к себе или от опухшего сопливого носа.

– В общем, если что со мной... Ну, или пропаду я... Найдешь Струганого, адрес я дам. Он тоже от них убежал. И сразу уезжай.

– Егор Петрович, а почему Струганый? У него что, имени нет? – поинтересовался Илья.

– Сам увидишь "почему", и ты такой станешь, если не уедешь... Но Свинцову я о Струганом не... ап-чхи!! Ай, теперь уж все равно.

– Да вы не переживайте так. Может быть, все еще обойдется, – попробовал успокоить Илья.

– Чувствую я, что они на меня вышли. Давно вышли... Пойду приготовлю что-нибудь поесть. Тебе ведь тоже скоро к следователю. Вот повестка.

Достав из кармана мятую повестку, протянул Илье, а сам

пошел в кухню готовить завтрак.

Пока Егор Петрович отсутствовал, Илья трезво размышлял. Сегодня утром все то, что он вспомнил и рассказал вчера легендологу, казалось бредом неизлечимо больного сознания – шизофренией. Хотя что это за заболевание и каковы его симптомы, Илья не знал, но для его нынешнего состояния это красивое и пугающее своей звучностью слово подходило как нельзя лучше. Шизофрения! И уж совсем легко это емкое слово вмещало в себя и игрушечный саркофаг, и банку с приговоренными насекомыми, и ночное убийство... и всю ситуацию с потерей памяти... Шизофрения! Конечно, шизофрения! А что же еще?!

Вернулся Егор Петрович с подносом. Его аллергический насморк успокоился, но лицом он был хмур, сосредоточен и бледен.

– Вы, Егор Петрович, так не волнуйтесь, глядя на долговязого человека с сочувствием, проговорил Илья. – Может, еще обойдется...

Завтракали молча.

– В общем, так, – начал Егор Петрович, после завтрака откинувшись на спинку стула. – Нужно тебе уезжать. Билет я куплю, пока ты показания давать будешь. Тебе оставаться нельзя.

– Да что за спешка, Егор Петрович? – поднял брови Илья. – Откуда они узнают, что вы мне все рассказали, если, конечно, Сема не проболтается.

– Они уже знают. А Сема меня меньше всего тревожит: он не такое рассказывает. Завтра утром уедешь. Ну и мне тоже нужно готовиться.

Илья переоделся, собираясь уходить.

– Привязался я к тебе, Илья, – грустно сказал Егор Петрович, протягивая свою длинную руку. – Но если все-таки меня до твоего отъезда сцапают, обязательно сообщи Струганому, адрес я тебе вот тут написал. – Он сунул бумажку с адресом в карман Илье. – И уезжай сразу. Тебе грозит опасность. Смертельная опасность!

Глава 5

В УКРОМНОМ МЕСТЕ С МАНЬЯКОМ

Отделение милиции, где с пустым протоколом должен был ждать его следователь Свинцов, находилось неподалеку, в конце улицы, и занимало двухэтажный особняк.

Напротив нужного Илье кабинета на скамье для посетителей уже сидели два гражданина и одна гражданка. Гражданка спала, скрестив на груди руки, из сжатого кулака спящей торчал букетик незабудок, голова ее была откинута назад. Ильа негромко, чтобы не разбудить, осведомился, в этом ли кабинете принимает следователь Свинцов, хотя номер кабинета и указывался в повестке.

– Садись, – сказал один из граждан.

Впервые оказавшись на приеме у следователя, Ильа не знал, стоит ли занять очередь или вызовут. Решив, что все разъяснится само собой, он сел на стул, следуя совету бывалого с виду гражданина.

Его соседи внешность имели задрипанную и убогую, сразу видно – "старые русские". Первый, тот, что сидел ближе к Илье, был крохотный человек, выбритый, подстриженный под полубокс; одежда его была из того же времени, что и стрижка (из шестидесятых). Второй, напротив, был небрит,

но его голубые глаза таили в себе нечто романтическое и грустное. Одет он был в тонкую летнюю куртку, которая шуршала при каждом его движении, как калька.

– В общем, если он через десять минут, то-се, не придет – ухажу домой, – слегка шепеляво пригрозил человечек малого размера и зевнул, прикрыв рот ладонью. Его сосед только вздохнул, ничего не ответив.

– Я тебе честно говорю, то-се, иду домой, – после некоторой паузы напомнил мужичок-шестидесятник.

– А если у него дело неотложное по ловле бандитов? Хочешь, чтобы за тобой "воронок" приехал? – каким-то усталым и немного вялым голосом припугнул шепелявого старичка голубоглазый.

Посидели молча. По коридору взад-вперед сновали различные милиционеры. Илья обратил внимание на скрип дверей – петли действительно были не смазаны. Он вспомнил оставшегося дома больного и испуганного Егора Петровича, его глаза, и ему самому сделалось жутковато.

– А я, кстати, то-се, жил здесь раньше неподалеку, наверно. Люблю свежий воздух.

– Да, я тоже повыше люблю. Ну, у тебя теперь тоже хоромы ничего. Ведь весь чердак твой.

– Точно так, то-се. И работа близко.

– Я, конечно, не по собственному желанию в подвал опустился, – продолжал вялый, треща курткой и закинув ногу на ногу. – Зинка меня доконала – не хочет наверху жить, го-

ворит, что высоты боится. А на самом деле лунатит. Ночами ходит, как днем...

– Ну да?!

– Точно говорю, а днем вон высыпается.

Илья не вслушивался в разговор соседей по скамье, его охватила тревога. Что тревожило его, определить он не мог. Хотелось домой в Новгород, побыстрее убраться из этого тающего угрозу города, даже под мостовыми которого живут неведомые опасные люди. Сейчас он решил, ничего не утаивая, все рассказать следователю, а там пусть решает сам. Илья был уверен, что следователь разберется быстро и защитит Илью... Только вот от кого?

– Пойдем, то-се, покурим, что ли.-Предложение шепелявого хоть к Илье не имело отношения, но вывело его из самоуглубленного состояния.

– Зинка, а Зинка. – Голубоглазый толкнул под локоток свою спящую подругу. – Ну, Зин...

– Чего тебе? – не открывая глаз и не двинувшись, сквозь сон грубо спросила дама с цветочками.

– Пойдем, Зин, покурим на воздухе.

– А что, козел этот, следователь, не явился?

– Пш-ш-ш... – зашипел на нее голубоглазый, потому что как раз в эту минуту мимо скамьи проходил человек в милицейском обмундировании.

– Ладно, пошли, – согласилась Зина, открыла глаза, встала и потянулась, – хоть поспала.

После их ухода Илья еще немного подождал, потом подошел к двери и, постучав, дернул за ручку. Кабинет был заперт. Странно. Илья пересидел уже, наверное, полчаса, а следователя все не было. Илья снова уселся и принялся ждать, наблюдая за мелькавшими милицейскими чинами.

Ушедшие курить "старые русские" не возвращались. Илья, уставший ждать, тоже хотел бы уйти, но ему уже не терпелось рассказать все следователю. Сейчас в нем Илья видел главного своего защитника от кровожадного народа.

Прошло еще полчаса.

– Извините. – Илья остановил особенно часто мелькавшего сержанта. – Вот у меня повестка в этот кабинет...

– К Свинцову? – Сержант метнул взгляд на протянутую бумажку. – Исчез он куда-то, – посмотрев на Илью очень внимательно, сказал он. – На улицу вышел и исчез... А вот его заместитель. Григорий Семенович, тут Свинцовым интересуются.

Сержант пошел по своим делам.

– Вас Свинцов вызывал? – К Илье подошел широкоплечий мужчина лет тридцати и взял из рук повестку. – Вы по какому делу?

– Да я, собственно, со Свинцовым поговорить хотел бы.

– Ну, с ним, думаю, поговорить сложновато будет. – Он бросил взгляд в сторону. – А если по делам, то лучше бы вам со мной пообщаться. Впрочем, смотрите сами. На всякий случай вот моя визитка. Скорее всего, дела Свинцова я

теперь вести буду. Фамилия моя – Алиев. Если что-нибудь сообщить можете... даже самое невероятное, – он улыбнулся, превратив слова в шутку, – милости прошу. А Свинцова не ждите, он сегодня вряд ли появится, – обернувшись, сказал следователь, уходя.

Илья сунул визитку во внутренний карман куртки и вышел из здания милиции на улицу.

Илья был раздосадован и встревожен тем, что не удалось встретиться со следователем. К заместителю же он не имел доверия. Но сейчас, выйдя на улицу, пожалел о своей скрытности. "Нужно было хоть этому рассказать..." Теперь Илья особенно остро чувствовал свою незащищенность.

Он медленно брел по улице, глядя на мокрый асфальт; дождя хотя и не было, но с неба опускалась мерзкая морось, весь город снаружи был влажным. Совсем рядом взвывала тормозами машина...

Илья метнулся к стене. Нервы были на пределе. Из машины "скорой помощи" выскочили двое исполинского роста и телосложения санитаров.

– На землю, руки за голову!! – зверски заорал один из них над ухом ошалевшего Ильи. Подскочивший второй санитар ловким натренированным движением подбил ноги Ильи и, не выбирая места, свалил его на асфальт.

– Ноги шире! Руки за голову! Не двигаться!

А Илья и не собирался двигаться. Он лежал, прижавшись щекой к мокрому асфальту, прямо перед глазами красовался

набухший от влаги окурок сигареты с фильтром, чуть дальше к асфальту прилип использованный талончик для проезда на городском транспорте.

– Вроде нет ничего, – ощупав через одежду тело и обшарив карманы, проговорил голос над ним. – Вставайте, гражданин. Извините, ошибка вышла.

Илья медленно поднимался, ему помогли.

– Мы, видите ли, ловим опасного маньяка по кличке Парикмахер. Этот придурок с бритвой по району бегает. Не попадался?

– Да он же живым не попадает. Чего спрашиваешь? – заметил второй санитар.

– Меня ведь уже обыскивали, – с обидой в голосе проговорил Илья.

– Как обыскивали? – удивился первый санитар. – Когда?!

– Когда-когда, вчера. Черт знает что такое...

– Ах, вчера! – с облегчением вздохнул первый санитар. – Ну, вчера не знаю – не наша смена была.

– Да-да, – поддержал второй. – Точно не наша. Подумаешь, осмотрели лишний разик. А с располованной мордой, отрезанными конечностями и вывороченными внутренностями веселее бы было?

Илья не нашел, что ответить.

– То-то же!

Санитары двинулись к машине.

– Так вы бы как-нибудь отмечали тех, кого уже рассмотре-

ли, – предложил Илья.

– Это идея, пожалуй, – сказал первый. – Подумаем.

Когда машина отъехала, Илья не сразу двинулся в путь. С одной стороны, люди, конечно, делали доброе дело, что ловили маньяка с бритвой, но, с другой стороны, брюки все-таки стали влажными. Хорошо, что хоть не прямо в лужу лег. А другая смена все же культурнее.

Прохожих было мало. Увидев на стене дома мемориальную гранитную доску, Илья почему-то стал читать, как будто ему было интересно. Оказалось, что в доме этом жил Миклухо-Маклай.

– Только не оборачивайтесь, Илья Николаевич, – раздался рядом с Ильей мужской голос. – Делайте вид, что читаете.

Илья повиновался незнакомому человеку, профиль которого увидел, слегка повернув голову и скосив глаза.

Человек этот незаметненько следил за Ильей от самого отделения милиции и, когда машина "скорой помощи" проезжала мимо него, успел спрятаться в парадной, таким образом избежав обыска.

– Верьте мне, Илья Николаевич, – продолжал он, в то же время, как и Илья, делая вид, что читает надпись на мемориальной доске. – Я капитан Свинцов, – сквозь зубы цедил незнакомец. – Я вызывал вас повесткой...

Проходивший мимо мужчина с полиэтиленовым пакетом, из которого торчал край батона, увидев двух заинтересованных читателей, остановился неподалеку и, задрвав голову, то-

же стал читать.

– Но обстоятельства сложились так, что мне приходится скрываться...

Заметив группу людей, смотрящих в одно место, с другой стороны улицы пришла женщина, державшая за руку малолетнего ребенка. Завидев зарождающееся столпотворение, чтобы не опоздать и не проворонить чего, с разных концов улицы к дому Миклухо-Маклая подтягивались люди. Жильцы дома напротив из любопытства выглядывали в окна...

– Незаметно уходим, – прошептал капитан на ухо Илье. – В эту подворотню.

Отделившись от толпы читающего народа, они проникли во двор.

– Я все знаю. Вам угрожает опасность, – быстро заговорил Свинцов, поминутно озираясь. – Впрочем, и мне тоже.

Илья присмотрелся к капитану внимательнее. Это был человек лет пятидесяти, с черными усами и черными жесткими глазами. Лицом он походил на ежа.

– Я не могу вам всего сказать сейчас. Но верьте мне – вы в смертельной опасности.

– А удостоверение у вас есть? – спросил на всякий случай Илья, не очень-то доверяя незнакомому человеку.

Свинцов показал удостоверение с вклеенной, его, фотографией.

– Ну, тогда... – разглядывая удостоверение, начал Илья. Но резким и неожиданным ударом в плечо был выбит из

привычного равновесия и, не успев сориентироваться в пространстве и сообразить, оказался в полутемной парадной. В глазах все еще стояла страничка с фотографией... Но это уже была не фотография, а медленно выступающее из полумрака лицо следователя.

– Ти-ихо... – шипел он в лицо Илье.

Мимо парадной, в которой они спрятались, кто-то прошел, громко шаркая по асфальту. Подглядывавший в щелку следователь, когда шаги стихли, покачал головой.

– Вот так-то. Понятно?

– Понятно! – обреченно вздохнул Илья.

Как же должен быть силен и опасен враг, которого боится даже следователь уголовного розыска.

– Слушай меня, Илья Николаевич, – снова зашептал Свинцов. – Здесь оставаться опасно, нужно спрятаться в укромном месте. Есть у меня на примете...

Свинцов с Ильей торопливо двинулись в глубь двора, зашли в парадную, у Свинцова оказался ключ от подвала. Освещая путь фонариком, впереди шел Свинцов, за ним испуганный и расстроенный Илья. Путь, как видно, был хорошо известен следователю, потому что передвигался он скоро, указывая Илье на подстерегавшие во тьме опасности, переборки, ямы и торчащую арматуру.

Одолев длинный закоулистый подвал, они выбрались в другой двор. На лавочке возле помойного бака скучали двое небритых и неухоженных мужчин, у одного на голове была

белая панама.

– Здравствуй, начальник, – бросил неухоженный мужчина без панамы, лениво ковыряя ногтем в дупле зуба.

– Здравствуйте, здравствуйте, гражданин начальник! – воскликнул другой, распознав Свинцова, и, вскочив, сорвал панаму и стал методично кланяться, как японец.

Свинцов уклонил лицо в сторону, не признаваясь.

– Я в этих краях за нарушителями с молодых лет бегаю. Все дворы знаю, – сказал он, повернувшись к Илье.

Из этого двора они прошли в другой соединяющийся с ним двор, протиснувшись между гаражами, добрались до пожарной лестницы, забрались на крышу двухэтажной нежилой постройки, потом по крыше подобрались к другой пожарной лестнице, проникли на чердак и дальше, дальше... Скользя по влажному цинку крыш, изумляя и ужасая кошек, беспокоя голубей, они, уходя от слежки, пробирались к известному только следователю Свинцову месту.

За гаражами одного из дворов оказалась пожарная лестница.

– Вот и пришли, – сказал Свинцов, когда они поднялись на крышу. – Покрутили мы их, правда, Илья Николаевич.

Илья не стал интересоваться, кого именно они крутили, за всю дорогу не заметив ни одного преследовавшего их человека.

Они остановились на крыше трехэтажного здания. С одной и другой стороны крышу сдавливали две кирпичные сте-

ны. В одной из них вовсе не было окон, в другой имелись три окна в ряд. Внизу (крыша обрывалась улицей) напротив было здание с казенными занавесками. К одной из стен прилепилась небольшая, сколоченная не очень аккуратно из каких попало под руку досок и кусков толя избушка. Была у избушки небольшая дверца, и окошечко тоже было. Чтобы стояла ровно, подпирали ее снизу две металлические ноги. Так и казалось, что отворится со скрипом дверь и покажется на пороге старая карга-яга с помелом и скажет...

– Вот и именице мое. Здесь можем поговорить – здесь никто не помешает. Погоди, я голубей выпущу.

Открыв замок, Свинцов выпустил нескольких птиц гулять на крышу.

– Теперь заходи, Илья Николаевич, – пригласил он в избушку-голубятню.

Весь домик изнутри был загажен чердачной птицей, но часть избушки отделялась металлической сеткой. Там стояла небольшая кровать, миниатюрный столик с керогазом, табуретка, тумбочка, два больших молочных бидона, ведра – вот и все. Туда-то, за железный занавес, капитан Свинцов и проводил гостя. Илья уселся на кровать, следовательно на табуретку.

– Вот мое жилище, только здесь чувствую себя в безопасности.

Крохотное оконце выходило на крышу, и если бы кто-нибудь появился, его было бы хорошо видно и слышно.

– Живу здесь, как Карлсон. На самом деле, каждый день пули ожидаю. Если бы ты, Илья Николаевич, знал, какая тебя опасность подстерегает! Ничего, здесь отсидишься, потом тебя вывезем на грузовом составе. Ты из Новгорода?..

Илья вглядывался в лицо следователя, в его нервно вздрагивающую щеку, карие мечущиеся глаза, и хотя сам был изрядно напуган, но все же умудрился заметить, что в лице его что-то не так.

Неожиданно с улицы послышалось пение, пьяные голоса...

– О! – поднял палец Свинцов и, хотя сквозь щели досок и так было слышно, не поленился открыть оконце и выглянуть на крышу. – Видишь вон три окна? Вот и есть...

Что "есть", Илья не понял, но, высунувшись наружу, посмотрел вверх.

– Вот так! – значительно проговорил Свинцов.

– Послушайте, что они могут сделать? Может быть, они и не знают, что мне о них известно, – сказал Илья, усевшись и глядя на следователя.

– Им-то?! – воскликнул Свинцов. – Ха-ха-ха! Да им, если хочешь знать, почти все всегда известно, не будь наивным.

– Как им может быть известно, когда они под землей живут. Что у них, подслушивающие устройства?

– У них и подслушивающие устройства, и машины, и рации, и автоматы, только танков пока нет. Но это дело наживное.

– У чуди? – удивился Илья.

– У какой чуди?! Ничтожный, вырождающийся народишко. У китайцев – вот с ними не сладить.

– У каких китайцев?

Илья еще внимательнее пригляделся к Свинцову – не нравился ему следователь.

– Вот китайцы проклятые... – Хотя никого, кроме них и голубей, на крыше не было, приблизив лицо вплотную к лицу Ильи, зашептал Свинцов. – Где еще у них квартиры – не знаю. Но здесь слежу. – И вдруг расхохотался весело и беззаботно, словно и не трепетал от страха несколько секунд назад. – Ты про Джека Потрошителя слышал? Так это я. Вот в этих бидонах... – Он ласково потрогал крышку одного из них. – Да, я потрошитель... И слава обо мне, как о самом жутком потрошителе...

Илья смотрел на него уже со страхом.

"Боже мой! Ведь он безумен. Совсем сумасшедший... Китайцы, Джек Потрошитель. Ведь следователь совсем свихнулся, бедняга... Да нет, пожалуй, это я бедняга", – слушая малосвязную речь, думал про себя Илья. Про себя ему стоило сейчас подумать. В этом месте труп его найти будет не так просто, если станут искать. Лицо следователя покраснелось, говорил он быстро, и Илья упускал повествовательную нить, волнуясь больше сейчас о нити, на которой висела его жизнь. "Как я сразу не распознал шизика?! Боже мой! Вот влип!" – истерически билось в голове, мысли запинались

друг за друга, перепутывались... Может быть, двинуть в скулу следователю и бежать... Или заорать, позвать на помощь что есть мочи... Что за чушь!.. Кто здесь может услышать? Может быть, обойдется?.. Нет, вряд ли".

Свихнувшийся следователь говорил о всемогущих китайцах, о китайце-чукче (вероятно, смешав в своем больном сознании две национальности), о спутанных кишках и залитых кровью стенах... Но Илья слушал рассеянно, уже не стараясь вникнуть и поспеть за безумной мыслью, а только все больше и больше ужасаясь безнадежности своего положения и удивляясь тому, что сразу не узнал в нем безумца, хотя все признаки были налицо. Как же он влип! Какой там подземный народ! Вот оказаться нос к носу с маньяком на безлюдной крыше...

– Уже шесть часов, – взглянув на часы, сказал Свинцов. – Я сейчас в магазин спущусь, еды куплю. Тебе здесь на недельку спрятаться нужно. По крыше не разгуливай, а то несчастный случай очень даже возможен... – при этом как-то по-особенному посмотрел на Илью.

Измученный Илья не знал, что ответить. Такого поворота он ожидал меньше всего. Он заверил следователя, что, конечно, будет хорошо себя вести, ждать его здесь и ни за что не уйдет.

– И учти, Илья, что бы я тебе ни говорил, тебе грозит опасность.

И странно, но почудилось Илье, будто глаза Свинцова в

это мгновение просветлели от безумия, и что говорит он ему сейчас самое главное – ради чего притащил сюда, а все то, что он нес мгновение назад, не имеет значения.

– Учти, Илья, – опасность, – настойчиво повторил он.

"Может быть, притворяется? – мелькнула у Ильи странная мысль. – Но почему? Зачем?! – И тут же хохотом Свинцов разрушил эту зародившуюся в голове Ильи надежду. – Нет! Все-таки безумен!"

Илья проводил взглядом крадущуюся по крыше фигуру свихнувшегося следователя, подождал минут пять, потом вышел из избушки на воздух.

Жирные голуби лениво паслись на крыше, не находя удовольствия в полетах и не опасаясь человека. Илья, крадучись, с ужасом ожидая, что вот-вот появится Свинцов, пошел к лестнице.

Он благополучно достиг земли, через проходные дворы вышел к Неве, а там спросил, где Галерная улица, пошел в указанном направлении. Было ему мутно от всего пережитого за сегодняшний день, и Илья очень обрадовался, вспомнив, что Егор Петрович обещал купить ему билет до Новгорода, и тогда – прощай, странный город, со своими безумцами, подземными жителями, мостами, дворцами, которых Илья так и не успел увидеть. На сердце сделалось радостно и беззаботно. Домой! Домой! Домой!

Глава 6

В СТРАШНОМ ДОМЕ

Илья продвигался по Галерной улице, предусмотрительно озираясь и присматриваясь к случайным прохожим. А вдруг следователь уже поджидает его где-нибудь в темном уголке с другом загадочным Парикмахером: "Не хотите ли побриться? Заодно посмотрим, что у вас внутри". – "А я, Илья Николаевич, следствие проведу..."

"Не слишком ли много сумасшедших в одном месте? – подумалось Илье. – Хотя, если верить легендологу, который сам не в себе, то кому еще жить в великой бредне Петра?"

Однажды настороженному Илье почудилось, что сзади кто-то чересчур проворно шмыгнул в парадную, но, больше ничего подозрительного не заметив, он двинулся дальше.

Из подворотни с воем вылетела машина "скорой помощи". Илья еле успел спрятаться в парадную и, прижавшись к стене, через пыльное стекло двери пронаблюдал, как машина в охоте за безумцем промчалась мимо. Когда все стихло, вышел и заспешил к дому Егора Петровича.

На звонок ему открыла Глюка и тут же ушла.

В комнате Егора Петровича было темно. Илья зажег верхний свет и со вздохом облегчения рухнул на диван. Денек сегодня выдался нервический. Здесь хоть можно было расслабиться, отдохнуть. Посидев несколько минут, пошел к сто-

лу, на нем обнаружил деньги и записку: "Скоро вернусь. Из комнаты лучше не выходи. Будь осторожен, закройся на задвижку. Если не вернусь до ночи, иди сам знаешь к кому. P.S. Обязательно выпей настой травы".

На столе прикрытые салфеткой стояли чашка с настоем травы, картошка в мундире, масло, хлеб. Илья с удовольствием поел и снова уселся на диван.

Было уже десять часов вечера, когда Илью охватило беспокойство. Не может же он столько времени ездить за билетом. Что-то тут не так. В записке сказано, что вернется он скоро.

Илья подошел к окну – совершенно невозможно было понять, сколько времени, – на улице почти не стемнело. Даже стало светлее, чем днем, потому что тучи рассосались, небо очистилось. Илья сел на диван и откинул назад голову...

И снова снился Илье окровавленный липкий нож...

Когда он открыл глаза, то первым делом посмотрел на руку, державшую нож, – настолько сильным было ощущение от сновидения.

Часы показывали четыре часа ночи. С улицы в открытую форточку доносились пьяные голоса. Илья не сразу включился в реальность существования. Под потолком горела люстра, Егор Петрович так и не появился.

"Значит, он попал в беду, – пришло в еще нечетко сообщающую голову. Но что за беда, спросонья он еще не решил. – Что же делать?"

Боже мой! Ведь он не закрыл дверь на задвижку, как велел в записке Егор Петрович. Илья встал, закрыл дверь. Чем больше прояснялась голова, тем больше он тревожился. В ожидании прошел еще час. Илья снова подошел к окну. Сначала он не обратил внимания на человека, пробирающегося по крыше дома напротив.

Мужчина нес в руках два ведра, вероятно не пустых, поэтому ему было неудобно на пологой, скользкой крыше: он балансировал с ведрами, боясь расплескать, ненадолго останавливался, набираясь смелости и сил, потом продолжал путь.

Приглядевшись, Илья признал в человеке следователя Свинцова. "Куда это влечет его безумие?" – подумал он и поскорее отошел от окна, чтобы следователь его не заметил.

Спать Илье не хотелось, он от нечего делать стал рассматривать картинки в книгах. Но на сердце было беспокойно, и он оставил это занятие.

Когда часы показали полшестого, надежда дождаться Егора Петровича окончательно покинула его.

– Значит, так... Значит, так... – беспрестанно слоняясь по комнате взад-вперед, бубнил Илья.-Значит, так...

Теперь нужно было предупредить Струганого: так велел Егор Петрович. Илья подошел к столу, перечитал записку. Деньги на столе Егор Петрович оставил, безусловно, для покупки билета, предусмотрев таким образом свое исчезновение. Значит, так запросто бросив его в беде, уехать к себе

в Новгород и забыть... Илья снова заходил по комнате. Нет уж! Никуда я не поеду. Не оставлю я его в беде. Ведь он мне тогда помог... Илье было известно только одно место, куда могли утащить Егора Петровича подземные монстры. Безусловно, это пустующий дом напротив. Ведь не зря же Илью туда тянуло. И именно туда, как он помнил, вошла демонстрация.

На улице было светло как днем, и в брошенном доме во многих помещениях были распахнуты окна, а кое-где и вообще отсутствовали рамы, поэтому там не должно оказаться слишком темно. Но Илья был уверен, что самое главное – обследовать подвал и чердак и поискать хотя бы какие-то следы легендолога, а там на ощупь без света делать нечего.

Илья с энтузиазмом принялся за поиски фонаря. Для начала он осмотрел внутренности серванта, потом платяного шкафа, потом... Через полчаса Илья сел на стул и пригорюнился. Фонаря не было, но зато он обнаружил на подоконнике два огарка свечей и спички – Егор Петрович держал их на случай перегорания пробок. Илья сидел некоторое время, разглядывая находку, потом махнул рукой и сунул огарки свечей в карман куртки.

Илья постоял минуту, размышляя, не забыл ли чего. Ах да! Достал из-за шкафа металлический гвоздодер и сунул за пояс, скрыв его курткой. Теперь, когда оружие холодило живот, сделалось поспокойнее. Положил деньги в карман, зная, что если не найдет в заброшенном доме легендолога, то воз-

вращаться не имеет смысла. Хотя Илья сейчас был уверен, что Егор Петрович там и что он его отыщет живого или...

Свет не погасил. На листке бумаги написал: "Придете – выключите свет". Перед уходом бросил взгляд на чашку с отваром травы. Но пить не стал.

Когда он выходил из квартиры, было шесть часов утра.

В этот ранний утренний час было безлюдно. Только вдалеке на площади Илья заметил прогуливающуюся парочку влюбленных. У обочины, как всегда, стояли автомобили, но внимание Ильи привлекла уже знакомая иномарка с затемненными стеклами. Жутковатый у нее был вид – вдруг кто-нибудь сидит в ней и смотрит... Перейдя улицу, подошел к скованному цепью воротам. Открыл замок, но что-то его будто толкнуло, заставив оглянуться... Это было какое-то мгновение. Но он отчетливо заметил человеческую тень, мелькнувшую на пыльном стекле двери парадной. Илья вздрогнул, почувствовав опасность. Он постоял, глядя на стекло двери, но там не повторилось никакого движения. Тогда он открыл заскрипевшие ворота и торопливо проник во двор.

Во дворе ничего не изменилось – все те же навалы мусора. В ночной тишине города, в безмолвии брошенных жилищ каждый шаг, усиленный акустикой подворотни, звучал оглушающе. Сделав три шага, Илья остановился, поняв, что передвигаться бесшумно ему вряд ли удастся. Зато и без его ведома никто не подкрадет. Но это было малым утешением. Некоторое время Илья постоял без движения, вслуши-

ваясь в тишину, пытаюсь проникнуть слухом в самые недра дома и уловить малейшее в них движение. Но не уловил. Тогда он, старательно выбирая дорогу, двинулся вперед. Для самоуспокоения достал из-за пояса гвоздодер. Все равно было жутковато и руки не перестали дрожать.

Обследование здания решил начать с правой стороны двора. Войдя в парадную, Илья стал медленно спускаться в подвал; благодаря открытой настежь двери было достаточно света, и он решил пока не зажигать свечу. Ступенек было всего шесть, но Илья не спешил, делая между каждым шагом паузу, чтобы прислушаться. И когда Илье показалось, что он достиг пола, раздался плеск, и Илья почти по колено провалился в воду. Он выругался и заторопился поскорее выбраться из затопленного подвала.

Рассерженный, с мокрой правой ногой, он поднялся на первый этаж и стал неторопливо обходить комнату за комнатой. Поначалу ему было интересно и тревожно. Но однообразие пустого брошенного жилья притупляло бдительность. Обходя комнаты, он поднялся до верхнего этажа, не обнаружив никаких признаков Егора Петровича, да и вообще присутствия в этих местах людей.

Передвигался Илья уже не так настороженно, как поначалу. Иногда, наклонившись, подбирал какую-нибудь заинтересовавшую его негодную вещь и, рассмотрев, бросал от себя. Набрел он на старинный сундук с металлическими почерневшими углами, один бок его был проломлен. Илья от-

крыл сундук, обнаружил на дне детские игрушки, порылся в них с интересом, потом пошел дальше. И уже представлялось Илье, что найдет он в пустом доме клад или какую-нибудь очень ценную вещь.

Обследовав парадную, он пошел в другую. Подвал в ней тоже оказался затоплен. Иногда Илья останавливался, прислушиваясь к шумам, но все они были уличного происхождения. Постепенно город просыпался, и Илья успокаивался. Исчезновение Егора Петровича казалось уже не таким ужасным, как ночью, и не исчезновением, пожалуй, вовсе. Но все же Илья решил довести дело до конца. Блуждая по дому, он вспоминал рассказ Егора Петровича, его легенду о чуде и...

Илья остановился. Прислушался. Нет, ему не почудилось. Откуда-то с верхнего этажа доносился шум, голоса. Илья сжал гвоздодер вмиг вспотевшей рукой и стал осторожно, на цыпочках, подниматься по лестнице. Светло было уже настолько, что он мог выбирать место, куда стоит наступить ногой. Сверху слышались голоса, словно там шла пирушка.

Илья поднялся до дверей квартиры, из которой доносился шум, прислушался, но это ничего не прояснило. Тогда он, ожидая в любой момент нападения, сжимая смертоносный гвоздодер, проник в открытую дверь квартиры и, ступая беззвучно, как индеец, подкрался к двери комнаты и посмотрел в щель.

Сначала Илья не понял, что происходит в комнате. А когда сообразил, то сначала не поверил, а потом его замутило.

По комнате были разбросаны внутренности, пол и стены забрызганы кровью, и среди этого безобразия, весело воскликая, напевая по временам отрывки из разных (веселенького содержания) песенок, расхаживал капитан Свинцов в белом, забрызганном кровью мясничком фартуке и наводил марафет, подправляя свисающие со стола кишки, изредка зачерпывая ковшичком кровь из ведра, брызгал, куда считал нужным. Картина была чудовищной, и еще более странным и неожиданным было веселье в этой картине, придававшее ей особый колорит. Невзаправдашность, театральность ситуации не усваивалась сознанием изумленного Ильи. Но отчего-то он не в силах был просто плюнуть и уйти от купающегося в безумии следователя. Картина завораживала и не отпускала внимание.

– Еще сюда кровушки! – восклицал Свинцов. – А вот сюда внутренностей добавить! Эх!..

Он подхихикивал сам себе и был чрезвычайно доволен своим трудом. Каким-то внутренним чутьем напряженных нервов, средним ухом, Илья уловил движение на лестнице. Он оглянулся, не зная, куда скрыться из коридора, но тут увидел незапертую комнату как раз напротив той, в которой бесчинствовал Свинцов. Он зашел в нее и затворил за собой предательски завизжавшую дверь. Свинцов смолк. "Значит, услышал. Сейчас пойдет смотреть, застанет меня здесь и выпотрошит... Нет уж!" Илья изо всех сил сжал гвоздодер. Но в следующее мгновение произошло то, чего Илья никак не

ожидал.

Бесшумно и мгновенно, словно из-под земли, возле двери, за которой безобразничал Свинцов, выросли двое экипированных мужчин в камуфляжной форме, бронежилетах, масках на лицах. В одно мгновение обе створки двери от мощного удара распахнулись; одну дверь даже сорвало с петель, и она повисла на верхней.

Дальше все произошло настолько квалифицированно и быстро, что Илья подробно разглядеть ничего не успел, да, пожалуй, подробностей и не было, настолько скупы и стремительны были действия омоновцев.

Ворвавшись в комнату, захватчики с диким воплем сбили Свинцова с ног, уткнули в пол лицом, молниеносно защелкнули наручники за спиной и тут же, как мешок с хламом, подняли и поставили на ноги. Свинцов весь в крови – лицо его было то ли перепачкано кровью, то ли разбито – имел удрученный вид. Торопливо в комнату вошел широкоплечий молодой человек в штатском, его сопровождал сержант милиции.

– Что же вы, капитан, – сказал он Свинцову. – Ведь сами знаете, что за введение в заблуждение следствия...

– Я ж, Гриша, хотел как веселее, – ответил Свинцов окровавленными губами.

Арестованного увели.

Только сейчас Илья узнал человека в штатском – это был помощник Свинцова, который дал ему в отделении визит-

ку. Илья хотел выйти и попросить, чтобы ему помогли найти Егора Петровича. Но вовремя подумал, что его тоже примут за соучастника безумия.

Алиев повернулся к сержанту.

– Снимайте пост – на сегодня все... Да не смотрите вы так, – заметив его гримасу отвращения, сказал Алиев. – Это же ненастоящее. Внутренности с мясокомбината, а это не кровь – краска обыкновенная. Свинцов же "ку-ку".

Сержант ушел.

Следователь окинул печальным взглядом грустную картину и пошел вслед за сержантом.

Илья остался один. Он вышел на лестницу, послушал: было тихо. Спустился по лестнице – во дворе никого. После шума, который наделала группа захвата, дальше искать здесь Егора Петровича не имело смысла. Он повернул к воротам. Но маленькая дверца, вероятно в подвал в углу двора, привлекла внимание. "Туда схожу напоследок, и все. Если он, конечно, водой не затоплен", – подумал он. И тут обнаружил, что оставил наверху гвоздодер, но махнул рукой.

Илья спустился по ступенькам вниз и приоткрыл маленькую дверцу. Внутри было темно. Он достал свечу, зажег ее. Прикрывая трепещущее от сквозняка слабенькое пламя, Илья проник в помещение... Чтобы лучше видеть, он поднял свечу над головой, изо всех сил вглядываясь в слабо освещенное пространство.

Большие черные котлы стояли по одной стене, справа на

полу валялись остатки угля. Илья, хрустя угольной крошкой, сделал осторожный шаг в глубь котельной, стараясь разглядеть, что впереди. В помещении чувствовалось тепло человеческой жизни. Но свеча давала недостаточно света, и, озираясь, он двигался дальше. Справа он разглядел письменный стол, дальше – диван...

Илья остановился, дыхание замерло. На диване кто-то неподвижно лежал. Стоя со свечой в руке, он не представлял, что предпринять. А может, это связанный Егор Петрович... Да, похоже: тело длинное и седая голова... Нет, непонятно. Постоял минуту, разглядывая человека, потом сделал еще небольшой осторожный шагок поближе, потом еще один. Да, похож на Егора Петровича... С каждым шагом Илья все больше уверялся, что это легендолог собственной персоной лежит на диване. А почему он, собственно, лежит? Может быть, он...

Превозмогая страх увидеть мертвое тело, Илья подошел совсем близко к спящему. Да нет, дышит вроде... Приближая свечу, Илья наклонился над телом... Перед ним, в пижаме, подложив руку под голову, лежал Парикмахер. Это открытие оказалось столь неожиданным и столь ужаснувшим Илью, что он отпрянул, сделал шаг назад – от резкого движения воздуха свеча затухла... Илья окоченел от ужаса. Кругом была беспроглядная невообразимая тьма. Ужас сковал тело, он даже забыл дышать. Тело сотрясалось от ударов сердца. Но он не ощущал этого. Весь организм напрягся, ожидая на-

падения. В сознании почти ощутимо лезвие бритвы рассекло щеку, потом...

Он заслонился руками... Но напрасно. Острое лезвие бритвы, распоров куртку, разрезало запястье. Илья отступил, отмахиваясь руками от невидимого противника, но удары смертоносного лезвия сыпались один за другим... Удар рассек ладонь, щеку. Во мраке невозможно было понять, откуда сыплются удары, но каждый из них был точен, словно нападавший видел свою жертву. Истекая кровью, вопя от боли и ужаса смерти, Илья прижался к стене, уже не зная, не соображая, куда бежать, что делать...

Все это он пережил за одно мгновение ужаса, физически ощущая раны на лице, руках, шее... Пот лил из всех пор разом. Но проходила секунда, другая... Илья нашел в себе силы протянуть вперед руку – пустота, сделал осторожный шаг к двери, потом еще один; выставив вперед руки, Илья медленно продвигался назад – вот уже обозначилась щель, в которую он проник, вот руки нащупали стену, дверь... Господи! Илья выбрался наружу, торопливо, с выпученными от ужаса глазами поднялся по ступенькам – и вон, вон из этого дома...

Он был весь мокрый. Во дворе стало прохладно, его бил озноб.

– Господи! Неужели живой... Господи! – бубнил Илья, торопливо перебираясь через завалы мусора, ушибая ноги, но не чувствуя боли, еще не веря в свое освобождение и в то,

что он жив. После потрясения ноги дрожали, и он, превозмогая слабость, вышел со двора на улицу; силы изменили ему, и он уселся на гранитный столбик рядом с воротами, не обращая внимания на редких прохожих, поглядывавших на него с удивлением.

Просидел Илья недолго. В окне Егора Петровича горел свет – значит, он не вернулся. После перенесенного шока все остальное казалось не столь важным. Но тревога возвращалась.

Глава 7

ОТ СМЕРТИ НЕ СКРОЕШЬСЯ

В комнате нестерпимо воняло. Струганый не мог передвигаться без посторонней помощи, поэтому, замысловато изогнувшись, "ходил" в таз рядом с кроватью, но попадал не всегда, да он и не метился.

Жил Струганый в подвальном помещении, у кособокой старухи. Состояли они в каких-нибудь родственных отношениях или нет – неизвестно. Но она выходила Струганого и теперь ухаживала за ним. О самом Струганом было известно, что приполз он в этот подвал давно, почти без мяса на конечностях, и выжить не мог. Потрудилась над ним старуха изрядно своим колдовством, но мяса все равно не нарастила. От какой-то болезни мясо вместе с кожей на руках и ногах его сползло почти без остатка, а туловище продолжало исполнять свои функции. Помогал Струганый своему туловищу только правой рукой, она, хотя тоже почти без мяса, все же действовала, и он мог нетвердо держать ложку или сложить из пальцев неумелую фигу и сунуть ее в нос старухе, если она, по своему обыкновению, снова начинала ворчать. Ее Струганый ни во что не ставил и относился к своей спасительнице наплевательски, а та непонятно почему терпела.

Однажды Струганый, доведенный ворчанием карги до плохого настроения, двинул ей в тело своей безмясой дла-

ную, да так удачно, что старуха повалилась на мокрый пол и затихла между кроватью и тазом. И потому как она долго не поднималась, Струганый пожалел о содеянном, подумав, что довел каргу до летального исхода. Спустя несколько часов старуха очухалась, но ходить за Струганым не перестала и даже больше приносила продуктов. Из чего Струганый заключил, что побой пошел впрок, но больше не повторял, хотя и злился.

До жилища Струганого Илья добрался на трамвае. Сделавшись мнительным, по пути он озирался, приглядывался к попутчикам, и чудилась ему слезка. В окно трамвая заметил Илья уже знакомую ему иномарку с затемненными стеклами, или это показалось от страха...

На звонок открыла старуха мерзкого вида: в платке, с бельмом на глазу.

– Что надо? – буравя Илью взглядом, грубо спросила карга.

– Мне Струганый нужен, Егор Петрович просил ему кое-что передать.

– А чего сам не пришел? – пропуская Илью вперед, ворчала старуха. – Шастают тут всякие прохиндеи. Ноги вытирай! Ишь, прется – грязь разносить. Вон, последняя комната, там он – ирод безногий.

У вошедшего в комнату Ильи рвотный ком подступил к горлу, так мерзко там воняло. Струганый в одних трусах и майке лежал на кровати, представляя собой ужасное зрели-

ще. Илья теперь понял, почему он носил такую кличку. Голые руки и ноги были словно обструганы огромным кухонным ножом.

Илья заметил, что при его появлении правая рука Струганого скользнула под подушку и там осталась. Илья, видя перед собой такое редкое уродство, с интересом и некоторой растерянностью смотрел на инвалида. Струганый тоже наблюдал напряженно-молча. У него были большие, навывкат, испуганные глаза.

– Меня просил зайти к вам Егор Петрович, – начал Илья, почему-то краснея. Не прерываемый, Илья продолжал: – Он просил вам передать, что если он не вернется... – Илья совершенно растерялся и забыл, что же нужно передать, и покраснел еще больше.

– Ты-то кто? – спросил хрипло Струганый.

– Я Илья.

– Сядь, Илья.

Илья сел на краешек табуретки. Немного уже привыкнув к дурному запаху, он смог осмотреться.

Лачуга Струганого окон не имела, освещаясь тусклой лампой под потолком, и была обставлена ветхой мебелью. Эмалированный таз на полу был внутри желтый.

– Значит, пропал Егор, – проговорил в задумчивости Струганый. – Значит, и моя очередь пришла. Ты где живешь?

– Я из Новгорода приехал, сегодня уезжаю.

Загнанные глаза Струганого неожиданно просветлели.

– Из Новгорода? Так ты не местный? Ну тогда это хорошо, хорошо...

Струганый вынул искалеченную руку из-под подушки.

– Значит, слушай, сынок. Я один черт сдохну. Спасибо, конечно, Егору, что тебя прислал, но доберутся до меня так или иначе. Я уже с этим смирился. Егора вот уже взяли, а ты еще уберечься можешь. – Он понизил голос до шепота, так что Илье пришлось встать и подойти к калеке совсем близко. – Дам я тебе документы, и драпаляй из этого города. Понял? Спрячь их и живи, а года через два-три, когда все уляжется, снеси их в свой уголовный розыск. Там они знают, что делать... Эх, Егора жалко! Я бабку за бумагами пошлю, а ты хочешь – здесь сиди, хочешь – погуляй часок. Бабку мне позови.

Илья решил погулять.

Машина с затемненными стеклами, которую он видел на Галерной, потом из трамвая, стояла на улице. Странно. Проходя, Илья заглянул из любопытства в стекло, но внутри ничего не увидел. "Хорошо б в такой прокатиться", – подумал он. Набредя на крохотный скверик между домами, уселся на скамейку отдышаться после комнаты Струганого. Что за документы собирался он передать Илье? Ему становилось жутковато: инвалид с загнанными, полными ужаса глазами не выходил из головы – столь отвратительное и жалкое впечатление произвел он на ранимую душу Ильи. Почему Егор

Петрович ничего не сказал про документы? Может быть, не знал?

Илье уже давно хотелось есть. Он вышел из сквера и побрел по улице в поисках кафе. На углу обнаружил столовую. Посчитав, что на билет хватит, взял тарелку макарон с сосиской и, стараясь больше не думать о Струганом, дабы не портить аппетит, принялся за еду.

После посещения столовой мир стал выглядеть более привлекательным, и Илья, вновь зайдя в тот же скверик, посидел еще минут пятнадцать, потом пошел к Струганому.

Возле входной двери на пустом ящичке сидела кособокая старуха с палкой от швабры в руке, как постовой, она тупо смотрела на Илью одним глазом, кажется не узнавая.

– Куда? – спросила одноглазая постовая старуха.

– К Струганому. Я недавно заходил, он мне велел через час прийти.

– Не ходи туда, – сказала она бесстрастно.

– У меня к нему дело, бабуля. Важное! – Илья старался говорить громче, но старуха не разумела его слов и казалась глуховатой.

– Не ходи, – повторила она, подтвердив предположение Ильи. Скорее всего, она не слышала его объяснений.

Он подумал, что с глухой нечего разговаривать, и прошел в раскрытую дверь.

На стук никто не ответил. Илья вошел в комнату. Инвалид лежал на прежнем месте. Изо рта у него что-то торчало,

как большая сигара. Илью снова одурманил резкий тошнотворный запах, даже немного защипало глаза.

– Ну как, вы документы приготовили? – спросил Илья, подходя. – Уже час...

Илья остановился в двух шагах от кровати. Не веря, не понимая еще, что произошло.

Струганый лежал на засаленном матрасе, раскинув изуродованные конечности, неподвижно глядя в потолок. Из рта сквозь выбитые зубы торчал металлический штырь. Пройдя через глотку с огромной силой, штырь пригвоздил голову Струганого к койке. Глаза его, в страшной муке выпученные, казалось, готовы были выпрыгнуть из орбит. Илья тупо глядел на зрелище смерти и не мог отвести глаз, – было в этом нечто гипнотическое, столько человеческой крови он никогда не видел; она заливала всю кровать и пол...

– Убили, – раздалось за его спиной.

Илья вздрогнул, резко обернулся. Сзади стояла старуха и смотрела на него свободным от бельма глазом.

У Ильи ослабли ноги, мелко задрожали колени. Его замутило, он сел на табуретку и потер лицо ладонью.

– Как же... Ведь он обещал документы какие-то дать... – бормотал Илья, не сознавая своих слов. – Как же теперь?..

– Помоги, – перебила старуха. – Помоги железяку вытащить.

Илья поднял глаза. Сухие старушечьи руки старались вытянуть штырь, пригвоздивший Струганого к кровати, но сил

ей не хватало.

– Помоги, говорю.

Илья встал, ему было омерзительно, хотелось уйти, но он, бессознательно повинувшись приказу старухи, подошел, взялся обеими руками за штырь и, не глядя на убитого, изо всей силы дернул вверх. Ничего не получилось. Он дернул снова и снова... Наконец штырь поддался и с хрустом и хлопанием вышел из тела. Илья уронил железяку на пол и бросился в угол...

Его рвало долго и мучительно. Даже когда рвать уже было нечем, тело содрогалось в конвульсиях. После того как желудок освободился, сделалось легче: голова просветлела, но тело ослабло. Илья опустился на табуретку. Старуха вошла возле мертвеца, тихонько бубнила что-то, разговаривая то ли с покойником, то ли сама с собой...

– А ведь это ты их привел, – вдруг громко сказала старуха.

Голова у Ильи кружилась, поэтому он не понял, что слова эти относятся к нему лично.

– Ты их привел Струганого убить. – Старуха от кровати смотрела на Илью страшным взглядом.

– Да вы что, бабушка, – проговорил Илья и не узнал своего голоса. – Ведь он мне документы передать должен был...

– Документы, – передразнила старуха. – Вон, в этом портфеле были документы, я их из песка вырыла. Теперь пусто.

Старуха бросила сухой рукой к ногам Ильи старый портфель. Он заглянул в его пустоту.

– Теперь все! Отмучился. Ведь он пять лет боялся этого, ведь пять лет скрывался – найти его не могли.

– А что же теперь, бабушка, в милицию надо...

Вдалеке что-то зазвенело, бабка не сводила с Ильи глаза. Зазвенело снова.

– Так ты не с ними? – спросила она, подозрительно прищурив зрячий глаз.

– С кем, бабушка? – Илья не понимал, чего она хочет.

Звон уже не прекращался.

– Пойдем со мной, – сказала бабка и, опираясь на палку от швабры, зашаркала из комнаты.

Илья пошел за ней, не посмотрев туда, где лежало тело. Старуха повела его в противоположную от входной двери сторону. В конце коридора был чулан с небольшим оконцем. Бабка велела открыть форточку.

– А теперь лезь туда и убегай отсюда. Скорее убегай! – Старуха остановилась, хотела еще что-то сказать, обернулась на дверь, потом посмотрела на Илью. – Но вернись когда-нибудь и меня найди. А документы...

Во входную дверь раздались мощные удары. Старуха махнула рукой, вышла из чулана и закрыла за собой дверь.

Илья подтянулся на руках, с трудом выбрался в отверстие форточки. Оказался он в каком-то дворе со стоянкой для автомобилей. Он знал, что за ним гонятся, чтобы убить, как Струганого. За что? Он не понимал. Смертельная опасность придавала силы.

Илья побежал, перемахнул через металлическую ограду, выскочил на улицу. Оглянулся. Метрах в тридцати он увидел черную иномарку с затемненными стеклами. Иномарка плавно тронулась с места. Илья мгновенно все понял. Он повернулся и побежал. Изо всех сил он бежал по улице, безумно выпучив глаза и размахивая руками. Прохожие останавливались, отступали в сторону, им тоже неосознанно становилось тревожно и страшно. Машина догоняла бегущего Илью. Расстояние между ними сокращалось каждую секунду...

Илья увидел скверик, бросился туда, продираясь сквозь кусты... Перед ним была стена. Илья побежал вдоль нее. Увидел пожарную лестницу. Не ожидая от себя такой прыти, как обезьяна, Илья молниеносно вскарабкался по ней. Уже когда он достиг спасительной крыши, то обернулся и взглянул вниз: на земле стояли четверо человек, один из них целился в Илью из пистолета. Илья плашмя кинулся на поверхность крыши. Пуля со звоном ударила по водостоку. Илья вскочил и побежал...

Еще около двух часов Илья бегал по городу, прятался в подвалах, на чердаках, нигде не находя покоя. Везде ему чудилась погоня, а перед глазами стоял обезображенный труп Струганого с торчащим изо рта штырем.

ЧАСТЬ II

Глава 1

ОБИДЧИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Зима в Новгороде выдалась темная и склизкая. Полноценные морозы торжествовали недельку, и снова разъезжались на мокрой мостовой ноги, из-под автомобилей летели ошметки грязного снега; прохожие бежали, спасаясь от промозглой влажности, в уютные квартиры, где тепло, где можно, включив телевизор, смотреть новости или кино...

Илья, подперев кулаком щеку, глядел на мелькавшие мимо окон тени людей через мелкую решетку на окнах электроподстанции, где он работал дежурным электриком (сутки через трое), и на сердце было муторно. Телевизор не работал. Целыми днями Илья читал книги, но временами это надоедало, и он тупо уставлялся в зарешеченное окно.

Снова, как и три года назад, по весне от Ильи ушла жена. Это была уже вторая жена, и он загрустил – дожить до двадцати шести лет и потерять на этом коротком пути уже двух жен! Или это они теряли?.. Но от того, что он кем-то потерян и лежит сейчас на обочине жизни и все ходят мимо и даже не смотрят в его сторону, становилось еще гаже. Было

скучно жить.

Особенно в такие слякотные времена Илья возвращался в своих мыслях к Петербургу – к его белым ночам и тем странным кровавым и непонятным событиям. А были ли они вообще?

Тогда, по приезде в Новгород, Илья четыре месяца принимал лекарства, выписанные невропатологом, стараясь не думать, не вспоминать... А теперь, когда все это отстало от него на три года, оказалось, что выглядело оно не так угрожающе. И он принял решение поехать в Петербург и попробовать разобраться в том, что же произошло с ним на самом деле.

Принятое весной решение удалось осуществить только в июне. И снова он попадал в город подземных призраков и белых ночей. С работы он уволился и, сложив в сумку все необходимое, сел в дневной поезд.

Билет у него был в плацкартный вагон. Соседями оказались мужчина лет тридцати пяти щуплого сложения, с усиками, читавший книжку на китайском языке, и женщина, измученная жизнью до такой степени, что трудно было распознать ее возраст. Но для Ильи это не имело важности: он был весь захвачен воспоминаниями, снова (уже в который раз) пытаюсь разобраться в тех ужасающих происшествиях трехгодичной давности. Последние месяцы Илья был буквально поглощен этим, а сейчас, когда уже сидел в вагоне, в особенности.

"Ну хорошо, если ничего не узнаю, поживу недельку в гостинице, город осмотрю и уеду. Я ведь даже город не осмотрел как следует, в музеи схожу, в Эрмитаж, в Кунсткамеру – обязательно... Сперва, конечно, пойду к Егору Петровичу про Струганого расскажу, ну а там..."

– Ну-ка, браток, подвинься. – Рядом с Ильей сел громоздкий мужчина, тут же к нему присоединилась еще компания из трех человек.

Один из них, севший рядом с женщиной без возраста, стал заигрывать с ней площадными шуточками. Женщина охотно захохотала.

– Ну подвинься, подвинься, – вдалбливал его плечищем в стену мужик.

Вчетвером сидеть было действительно тесно, но Илье, да же при очень большом желании, двигаться оказалось некуда. А тот пихал его и пихал.

– Ну подвинься, подвинься, говорю...

Его приятели раскладывали на столе колоду карт, появилась бутылка водки.

– Да некуда мне двигаться! – разозлился Илья. – Стена мешает. Что же мне, на улицу выставляться?

– Ну тогда выйди! Не видишь – тесно.

– У меня билет на это место куплен.

– Ах, у тебя билет куплен, – проговорил мужик с угрозой. – Значит, не хочешь двигаться. Пойдем тогда в тамбур выйдем.

– Вам нужно, вы и выходите, – схамил Илья.

– Да оставь ты сосунка, – посоветовал его товарищ. – Не видишь, он от страха сейчас обделается.

Мужики загоготали.

Плотно притиснутого к стене Илью трясла злоба против этих чужих пропахших перегаром мужиков.

– Так не хочешь выходить?

Илья молчал.

– Ну ладно, в Питер приедем – поговорим.

Он из злости еще сильнее прижал Илью.

Кто-то сходил за стаканами к проводнику. Мужики разлили, выпили, потом поиграли в карты, снова разлили, снова выпили.

С затекшим телом Илья проклинал себя за то, что не удался сразу, – теперь уйти и не обращать внимания на угрозы мужика было бы с его стороны трусостью. Но оставалось ехать еще целых два часа, и Илья, пожалуй, не вынесет этой физической муки. Когда выпили в третий раз, мужик снова толкнул Илью.

– Ты опять расселся, может, выйдем?

– Да отстаньте вы от меня, – рассердился Илья и изо всех сил отпихнул мужика.

– Ну смотри – скоро приедем, – сквозь зубы прошелестел мужик, жутко глядя на Илью.

Массивные кисти его были в наколках: на перстах – синие кольца, на тыльной стороне – солнце и что-то написано.

Дружки тоже были вида тюремного.

"Надо же, влип, – думал Илья с сожалением, – не хватает еще по морде получить. Приеду такой, с фингалами. Дурацкое положение, да еще и неудобное какое..."

Выпив бутылку, выставили еще литруху. Женщина без возраста пила наравне с мужиками. Приговорив еще полбутылки, сосед Ильи снова стал зазывать его в тамбур – не мог стерпеть до Петербурга. Илья, глядя в окно на мелькавшие домики садоводств, молчал.

– Ну ты чего не отвечаешь? – озлоблялся мужик все больше и больше. – Я к тебе обращаюсь. Ну слышь, ты!

– Слушай, мужик!

Все вдруг смолкли – настолько категоричным был голос. Это заговорил читатель китайской книжки.

– Слушай, оставь моего дружка в покое. Выйдем мы с тобой. Я выйду. Понял?!

Илья совсем забыл о присутствии этого человека, да, казалось, и никто не видел его. Тишина вдруг мгновенно сменилась хохотом – это, разглядев щуплого читателя китайской книжки, загоготали мужики.

– Слышь, Петя! – давась от смеха, восклицал один. – Он с тобой, молотобойцем, выйдет. Ну не могу...

– Я бы на твоём месте назад поехал, – глумливо советовал другой.

Петя-молотобоец совсем рассвирепел и, уже больше не обращая внимания на Илью, уставился налитыми кровью

глазами на грубияна, что-то хрипя.

– Да, – негромко и спокойно сказал читатель, цокнув языком и огорченно покачав головой. – Обидели, что характерно. И снова как ни в чем не бывало уткнулся в книжку.

Когда внимание типа переключилось на читателя, Илье стало немного полегче, и остаток дороги он проехал с чувством предвкушения драки. Вернее, с мыслью о том, как бы получить поменьше. Он был очень благодарен человеку, отведшему от него главный удар массивного кулака.

Когда электропоезд прибыл на вокзал и все стали покидать вагон, Илья тоже хотел встать, но мужичина притиснул его поближе к стеночке и сказал:

– Сиди, голубок. Ты тоже, – кивнул он читателю.

– Ты тоже сиди, пока, – в тон ему посоветовал читатель.

Это был явный вызов. Мужик опять зарычал, не найдя ответа.

Безвозрастная попутчица, веселясь от алкоголя, пригласила к себе всю ораву. Илья соображал, что он в состоянии сделать для своей защиты. Он оказался прижатым с такой силой, что от боли даже двигать затекшим телом не мог, не то что драться. Один тип вышел с женщиной, осталось всего трое. Двое других намеревались поглазеть ради интереса на то, как сердитый Петя-молотобоец расшибет вдребезги лица попутчикам.

Читатель, положив на стол книгу, выходить не собирался, глядя в окно на кишаший народом вокзал. Поток пассажи-

ров, идущих мимо купе, иссяк.

– Ты на закуску, – пихнул мужик Илью бедром. – А ты иди сюда, голубок.

Лицо его перекосило злобой, он встал и, подойдя к читателю, протянул к его груди могучую лапу, одновременно занося правую руку для сокрушительного удара. Движения его были уверенными и плавными. Друзья стояли в проходе, посмеиваясь, заодно глядя по сторонам – не идет ли кто. В окне показалась довольная рожа четвертого. Он сложил руки домиком, не желая пропускать расправу, уставился в окно вагона.

В следующее мгновение случилось невероятное – то, чего Илья потом не мог уже восстановить в памяти, как ни старался.

Мужичина-молотобоец не донес руки до груди читателя. Вместо этого охнул, присел и схватился за низ живота. Лицо у него при этом сделалось испуганным и беспомощным. В это же мгновение его лицо с огромной силой ударилось о крышку стола. Помог ему в этом читатель, схвативший его за волосы и направивший физиономию в нужном направлении. Не отпуская кудрей мужика, читатель поднял его голову с окровавленным лицом от стола и, резко выкинув вперед ногу, одновременно потянул голову на себя, как бы насадил живот мужика на эту ногу.

Мужик произнес короткое и вразумительное "Эх!" – и обрушился на пол.

Все это книголюб проделал молниеносно, не вставая из-за стола, и без особого напряжения, словно они с мужиком раз сто прорепетировали это заранее. Шокированные друзья недвижимого мужика растерянно смотрели на эту картину, забыв следить за проходом.

– Ах ты сволочь! – сказал один и, стараясь не наступить на лежавшего товарища, потянулся через его тело к книголюб. Но тот ловко, как обезьянка, вскочил и, схватившись за полки второго яруса, махнул ногой как-то вскользь и в сторону. Илье даже показалось, что промахнулся мимо лица, что не попал. Но мужик на мгновение замер, будто что-то вспомнив, а потом рухнул на своего приятеля и затих.

Третий, увидев такое дело, бормоча что-то, заторопился к выходу.

– Пошли. Со мной не обидят, – сказал читатель Илье.

Илья схватил сумку и, разминая затекшее тело, пошел вслед за читателем. Последнее, что он увидел, оглянувшись, это два лежавших один на другом постанывающих тела и изумленное, с выпученными глазами и открытым ртом лицо мужика, вышедшего первым. С двух сторон он прикрывал его ладошками, оттого казалось, словно он в плавательной маске глядит на дно за морскими обитателями.

Двое нетронутых мужиков не стали подвергать свое здоровье риску, а бросились в вагон за битыми друзьями.

Походка у читателя была пружинящая, шел он скоро и ростом был только чуть ниже Ильи. С виду тяжелую спортив-

ную сумку нес без видимого напряжения.

– Тебе куда ехать? – спросил читатель, когда они вышли с вокзала.

Илья замялся, соображая.

– Не хочешь – не говори, – опередил его мысль попутчик.

– Да нет, я еще сам не знаю. А где здесь гостиницы?

Он смерил Илью взглядом.

– "Европейскую" или "Асторию" – попроще?

– Да, попроще. Как до "Астории" доехать?

– Тебя как зовут? – спросил его новый знакомый, не оставиваясь.

Илья представился.

– Меня – Сергей. Ты, Илья, надолго в Питер?

– Да, думаю, на недельку, не больше. Кое в чем разобраться нужно.

– Тогда пошли ко мне. Я один живу, квартира двухкомнатная. Поживи у меня, а для гостиницы кучу денег надо – да и мест свободных, что характерно, нет.

– Остановитесь, пожалуйста.

Перед ними стоял невысокий мужчина, одетый обыкновенно, но на голове у него имелся какой-то странный восточный убор, черты лица были мягкими, как у женщины.

– Не лает, не кусает, а в дом не пускает, – сказал он уныло, поглядывая то на Сергея, то на Илью.

По специфическому вопросу Илья вспомнил его.

– Замок, – догадался первым Сергей.

– Правильно, – без выражения сказал человек, с сожалением посмотрел на Илью и пошел своей дорогой.

– Ха! Ну вот я и в Питере! – воскликнул довольный Илья. Сергей посмотрел на него непонимающе.

Глава 2

ПАУК НА ПЛЕЧЕ

Жил Сергей неподалеку от станции метро "Технологический институт".

Когда они вошли во двор, жизнерадостная собачонка дворовой породы весело запрыгала вокруг Сергея. Дворик был озеленен пятью деревьями.

– Не могу, раздражает меня это.

– Что? – не понял Илья.

– Да вот, – махнул он свободной рукой. – Ребятня шалит.

Илья увидел в углу возле парадной, к которой они направлялись, бетонную плиту, вероятно забытую здесь рабочими. На ней один на другом лежали два красных кирпича.

Илья пожал плечами в недоумении:

– Ну и что?

– А то, что это меня очень раздражает.

Сергей подошел к кирпичам и, не спуская с плеча сумку, сжав кулак, правой рукой произвел несколько быстрых и решительных ударов по стопке кирпичей. При этом он оскалил зубы и сузил глаза.

Удары были настолько мощными и сокрушительными, что не стерпевшие их кирпичи пошли трещинами, прямо на глазах стали рушиться и разваливаться, пока не превратились в красную крошку. Только увидев это, Сергей успоко-

иля, и они вошли в парадную. Изумленный Илья молча следовал за Сергеем, не находя, что на это сказать и даже подумать.

Жил Сергей на втором этаже и имел на одного две комнаты.

– Жена в прошлом году меня бросила, дура. Теперь, что характерно, один живу.

– Меня тоже бросила, – пожаловался Илья. – Даже две бросили.

– Здесь ты будешь спать, – сказал Сергей, вводя его в довольно просторную комнату с двумя окнами. С левой стороны стояла "стенка", с правой – диван и два кресла с журнальным столиком. В простенке между окнами уместился самодельный спортивный комплекс: большая "груша", турник, на стене висели нунчаку и еще какие-то смертоносные приборы на цепях и палках. Огромный двуручный меч привлекал особое внимание своим блеском и вызывал интерес. Кроме того, на стене уместилась тень человека, взрытая острием ножа. Один нож торчал у тени в горле и два – в груди.

– Я, правда, утречком здесь буду, что характерно, стучать и топтать "грушку", да ты спи, внимания не обращай. Так, уже восемь часов. Ты есть-то хочешь?

– Да нет, я перед отъездом поел хорошо.

– Ну тогда я постучу немного.

Сергей ушел в другую комнату, но скоро вернулся с черной повязкой на лбу, с голым торсом, в каких-то широких

атласных шароварах и босой.

Илья сидел в кресле у двери. Сергей встал к нему спиной, лицом к "груше" и начал ее молотить. Он наносил серийные удары по туловищу "груши". Илья залюбовался стройной фигурой Сергея, грациозностью и отработанностью его движений.

На правой лопатке Сергея была татуировка: паутина, очень напоминавшая мишень, с левой стороны на плече Илья тоже увидел наколку. Сначала ему не удавалось никак ее разглядеть – настолько движения Сергея были быстрыми. Это оказался огромный косматый паук, должно быть и свивший паутину на лопатке.

Молотил "грушу" Сергей виртуозно: и с одной, и с другой стороны, и пятками, и локтями, и коленями... В общем, чем попало. Илья наблюдал за тренировкой с восхищением. Видно, в этом деле Сергей был настоящим мастером.

– Ну хватит. Надоело, – сказал Сергей минут через тридцать. – Все равно бесполезно.

Он провел заключительную серию ударов по "груше".

Что "бесполезно", Илья не понял.

Сергей разгладил усики и пошел принимать душ.

– Теперь давай поужинаем тем, что в доме есть.

Они сварили картошки с тушенкой. Несколько банок Илья привез с собой, не зная, где придется остановиться. В кухне на полке стоял засушенный букетик каких-то растений. Илья взял их, из любопытства понюхал.

– Какой-то знакомый запах, – сдвинув брови, задумчиво проговорил он. – Очень знакомый.

– Это афганская колючка – малоизученное растение, оно и у нас растет.

На том разговор и кончился.

– Значит, ты сюда на экскурсию? – спросил Сергей, когда сели пить чай.

– Можно сказать, что и на экскурсию, – уклончиво ответил Илья. – Нужно бы разобраться в одном дельце, – и замолчал.

Сейчас Илья напряженно раздумывал, можно ли этому малознакомому человеку рассказать все то, что приключилось с ним в этом городе три года назад. Егор Петрович говорил, что человек, знающий о чуди, подвергается смертельной опасности... Хотя такого драчуна подвергнуть опасности... А если не рассказывать ему легенду, только последствия?.. Нет, нужно все, а то ничего понятно не будет. Хотя Илье самому было ничего не понятно, но при помощи нового знакомого можно попробовать разобраться.

Сергей молчал, должно быть давая Илье собраться с мыслями.

– Видишь ли, Сергей, – начал Илья, – одному мне все равно не понять, в чем дело. Но три года назад, это когда меня первая жена бросила...

И Илья, стараясь не упустить никакой мелкой подробности, пересказал все, что сохранила память. Иногда Сергей задавал вопросы. В процессе пересказа Иллей тех странных

событий лицо Сергея менялось – в глазах зажигались искорки интереса и нетерпения. Он весь как-то оживал и возбуждался.

– Я где-то читал про чудь, ушедшую под землю, что они подрубили сваи, которыми укрепляли землянки, и их засыпало. Считалось, что все они погибли. В первый раз слышу, что кто-то выжил и якобы по сей день живет. Человек я реалистического склада, что характерно, и, мне кажется, что-то здесь не совсем так. Понять не могу... Впрочем, разберемся завтра. У меня "Жигуленок", я сейчас не работаю, так что можем поехать. Но чувствую я, что дело здесь интересное. Давно я его ждал.

Когда выходили из кухни, Илья бросил взгляд на засохший букетик колючек.

– О! Вспомнил, где я этот запах встречал. Ведь так же мерзко пахло зелье, которым поил меня Егор Петрович для памяти. После него я и вспомнил.

– Понюхай снова, – сказал Сергей, протягивая Илье букетик.

Илья приняухался.

– Точно, он и есть. Этот запах ни с каким другим не перепутаешь.

– Теперь понятно. Вот этого звена и недоставало, – задумчиво сказал Сергей.

Прошли в комнату.

– Так вот, это растение – афганская колючка – очень ядо-

витое. Его в древности применяли как сильнодействующий яд. Но еще отвар его использовали как галлюциноген. Понял?

– Ну и что? Ведь Егор Петрович меня не отравил.

– Да, не отравил. Ему это и не нужно было, он использовал это растение не для того, чтобы ты вспомнил, а, скорее всего, для того, чтобы ты забыл.

– Как забыл? Зачем же ему это было нужно?

– Зачем – это мы разберемся завтра. Но несомненно то, что, опоив тебя отваром из афганской колючки, он вызвал у тебя галлюцинации; потом он рассказал тебе сказочку про всемогущий народ, живущий в норах под городом, и прочую белиберду, чтобы напугать тебя хорошенько и свихнуть мозги окончательно.

– Ну хорошо, а мертвый Струганый тоже галлюцинация?

– А вот это, скорее всего, не галлюцинация.

– Но зачем ему все это было нужно? – недоумевал Илья.

– Ответ напрашивается сам собой – чтобы убить Струганого. Уж не знаю, чем тот инвалид ему насолил. Но ты играл самую главную роль в этом деле. Егор Петрович просто подставил тебя, преподнеся все так, что это ты убил Струганого. Но тебе удалось убежать. А если бы тебя арестовали, то о чем бы ты говорил следователю?.. Правильно, что характерно, о чуде, живущей под землей. Пересказывал бы свои галлюцинации и нес бы прочий бред, а еще говорил бы, что остальных не помнишь. Дальше нетрудно представить, на кого бы

повесили это убийство. Понял?

Илья молчал. Все, что говорил Сергей, казалось в его устах вполне правильным и логичным. Но какой все ж таки мерзавец этот Егор Петрович.

– Завтра мы с тобой съездим, пожалуй, для начала к старухе с бельмом. С ней потолкуем. А уж потом благодетелю твоему – легендологу – визит нанесем.

– Ну хорошо. А кто же в меня стрелял? – подумав, спросил Илья. – Легендолог не очень-то похож на "крестного отца" мафии.

– Все это мы и выясним завтра.

Насколько был подавлен и расстроен Илья, настолько Сергей был доволен и возбужден.

– Вот и славненько, что характерно, – бубнил он в задумчивости. – Вот и чудненько...

Илья прохаживался по комнате, иногда останавливаясь и разглядывая двуручный японский меч, потом опять начинал бродить без устали. Через некоторое время он остановился у фотографии в рамке. На ней были засняты парни в солдатской форме, человек двадцать, у каждого из них на лбу был начертан черный крест. Лица у них были счастливые.

– Это мой взвод в Афганистане. Из них только двое в живых остались, я – третий, – с дивана сказал Сергей. – А теперь спать пора. Завтра тяжелый день.

Глава 3

ЕЩЕ ДВА ТРУПА

Утром Илья проснулся от грохота и вздохов. Сергей в своем вчерашнем виде молотил "грушу", задействовав почти все ударные части тела: локоть, колено, пятку, лоб... И все, что только могло ударить или сделать больно. Утром на голодный желудок это казалось особенно жутким и не вызывало восторга. Илья лежал молча, не желая мешать человеку упражняться. Потом Сергей, нацепив пояс и вставив в него семь ножей по всему периметру пояса (на пояснице, на боках и на животе), взял в руки нунчаку и стал с сумасшедшей скоростью вращать ими – поднялся вой и ветер. Поуспокоившись немножко, Сергей принялся исполнять танец, выкидывая то ногу, то руку, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, иногда по непонятной причине замирал на месте, выкидывал вперед ногу – опять замирал. Этот медленный танец постепенно ускорялся, и вот он уже в бешеном темпе наносит удар, поворачивается, бьет противника сзади, но тут подступает еще один (уже с другой стороны), но и он повержен разящей палочкой... И вот они нападают одновременно с двух сторон, с трех... Илья словно видел их. Нунчаку летят в противника, им оказывается "груша", Сергей выхватывает из-за пояса два ножа. И начинает с ними пляску. Внезапно он кидает нож в тень на стене, но тут же выхватыва-

ет еще один, снова кидает... причем, как заметил Илья, – и правой, и левой рукой. Но дикий темп постепенно угасает, и вот уже движения медленные и плавные, и ножики не осталось, кроме одного. Наконец он затихает на полу. Потом как ни в чем не бывало отправляется в душ.

Илья неторопливо встал, оделся и, дожидаясь хозяина квартиры, подошел к мирно висящей "груше" и ткнул ее кулаком в кожаное туловище... И тут же застонал, схватился за кисть. "Груша" была набита песком, и непривычный кулак не вынес его плотности. Мстя "груше", Илья стукнул ее другим кулаком, но уже послабее.

Позавтракав, Илья с Сергеем спустились во двор. Там стояли синенькие "Жигули" Сергея. Гараж у него был в другом районе, поэтому машину для удобства он держал под окном.

Когда сели в машину, Сергей поставил в магнитофон кассету, и сзади из колонок зазвучал орган.

– Я только органную музыку слушаю. Это токкаты Баха. Правда, есть еще "Реквием" Моцарта. Поставить? – вопросительно взглянул он на Илью.

– Да ладно, – вздохнул тот. – Пусть играет. Только потише сделай.

Начать решили со старухи Струганого.

– Ты посидишь в машине, – инструктировал по пути Сергей. – А я схожу с каргой поговорю. Если что, тебя вызову. Понял?

Илья не очень хорошо помнил адрес: бумажку с ним он,

конечно, выбросил.

– Ну что, сюда? – спросил Сергей, притормозив.

Илья колебался. За три года на улице, где жил Струганый, произошли изменения. Раньше дом был вида облупившегося и ветхого, а теперь...

– Пожалуй, сюда.

Сейчас Илья вспомнил Струганого. Он отчетливо всплыл перед глазами с торчащим изо рта штырем на пропитанном кровью матрасе... особенно хруст и хлюпанье, с которыми он вытянул железяку из горла. Непроизвольно он сморщил нос.

Над подвалом, в котором жил и умер Струганый, как мемориальная доска в его честь, висел красочный щит. На щите был нарисован голубой сверкающий унитаз "Лучшая сантехника из Европы".

– Вот в этом подвале, – показал Илья. – Только там сейчас другое что-то.

– Это где унитаз? Надо было к нему довольно улыбающийся зад пририсовать. Ладно, пойдем посмотрим.

Помещение подвала не сохранило ни следа, ни запаха бывших жильцов. Теперь подвал был отделан по европейским стандартам и населен манящей своим блеском сантехникой. Они зашли и в комнату, где жил Струганый. Хотя было здесь все по-другому, сердце у Ильи сжалось. В углу двое продавцов негромко переговаривались между собой, обрывки фраз доносились до Ильи.

– Надо было платить...

– Неделю всего... Так головой в унитаз и... В больнице сейчас... Еле выжил.

– С Китайцем, сам знаешь...

– Но неделя ведь всего...

– Сейчас он совсем ох...

Друзья вышли на воздух.

– Ну и что же теперь?

– Бабушка, где здесь жилконтора? – спросил Сергей.

Согнутая старостью в три погибели, шаркавшая по своим пенсионерским делам бабка была полуглухой, но где контора знала.

– Сенька там, Сенька-ирод продает все. Все жилье продает, – выплескивая застарелую обиду, шамкала старуха. – Сеньку убить мало...

Друзья отправились по указанному бабкой адресу, а она стояла на месте и, грозя жилистым кулаком, все проклинала какого-то Сеньку.

В зарешеченное окно жилконторы глядел голубой унитаз со щита. В просторной комнате за столами сидели работники конторы. Все они имели празднично-скужающий вид. Блондинка читала женский эротический роман. Мужчина в рабочем халате смотрел в потолок; другой мужчина, в свитере, качал ногой; и только один полный человек, в дальнем углу комнаты, лихорадочно считал, пересчитывал, потом снова считал деньги.

– Скажи, красавица, кто этим домом с унитазом заведует?

Блондинка оторвалась от чтения, посмотрела на Сергея взглядом в любую минуту и в любом месте готовой отдаться женщины.

– Семен Иванович, к вам.

Полный человек тут же перестал считать деньги, сгреб их, быстро спрятал в стол и задвинул ящик.

– Я по поводу этого подвала. Хочу знать...-начал Сергей, садясь на стул. Илья тоже сел.

– По поводу какого? – побледнев, перебил толстяк, взглянув в окно. – Этого?

Схватился за трубку телефона, положил ее на рычаг, снова взглянул в окно.

– Да, да! Этого, где унитаз, – повысил голос Сергей.

– А собственно, что? У меня все документики... – забубнил Семен Иванович.

– Нас интересует, куда делись жильцы этого подвала, – угрожающим голосом заговорил Сергей.

– Жильцы?! Жильцов-то всего одна бабка была. Так вы наследники ее? – Он опять почему-то снял трубку, снова положил на место. – Там никакого наследства, один хлам. Мы его на помойку снесли. Ничего ценного.

– Так бабка-то умерла?

– Умерла, умерла. Повесилась. Три года назад. Старая совсем была – с палкой ходила... и повесилась, видно, в маразме старческом. А если вы насчет наследства, так ничего там

не было, одна рухлядь, тряпье... Правда, портфель старенький с наградными листами там, с документами был. Мы его не выбросили – в подвале где-то у нас лежит...

– Когда она повесилась? Летом? – задумчиво поинтересовался Сергей.

– Летом... Мы когда из подвала старухино тряпье выносили, Иван Иванович?

Скучный тип в свитере перестал качать ногой.

– Летом. Белые ночи как раз были.

– Ну вот, значит, и со старухой твой Егор Петрович разделся. Свидетелей убрал, – сказал Сергей, когда они вышли из жилконторы. – Теперь поехали с самим легендологом познакомимся.

Доехали до Галерной улицы быстро. Двор почти не изменился. Только куст сирени, питаюсь из заасфальтированной почвы, за три года разросся. Девочка в цветастом платье с волосами, завязанными "фонтанчиком", стучала мячиком в асфальт.

– Я знаю пять имен мальчиков: Миша – раз, Саша – два...

– Глюка! – обрадовался Илья.

– Саша – два, Илья – три...

– Здравствуй, Глюка!

Девочка сбилась. Оставленный без присмотра мячик запрыгал в сторону, испуганная, она повернулась к подошедшему.

– Это не Глюка, – сказал Илья, разочарованно глядя на

незнакомую девочку. Она молча, совсем как Глюка, смотрела на пришельца.

– Извини, девочка, ошибся, – добавил он, хотя сейчас уже не представлял, как мог ошибиться – настолько девочка не походила на Глюку.

Парадная была закодирована, но как раз в тот момент, когда они подошли, оттуда выпорхнула дама с собачкой породы мастифф, и они проникли в отремонтированную парадную. Дверь в квартиру Егора Петровича оказалась бронированной.

На звонок открыла бесстрашная старушка.

– Здравствуйте, мы бы хотели видеть Егора Петровича... – начал Илья.

– Вы ошиблись, здесь таких нет, – с легким иностранным акцентом ответила женщина.

– Но он жил здесь раньше.

– Возможно, но мы здесь живем уже три года, а куда переехали прежние жильцы, не знаем.

Из-за угла высунулась тупая морда свиноподобного бультерьера и посмотрела на пришедших.

"Как же нужно любить животных, чтобы жить в одной квартире с таким ужасающе мерзким существом", – подумал Илья.

– Значит, облом, – сказал Сергей, выходя из парадной. – Но у нас, что характерно, в запасе помощник Свинцова. Хотя не доверяю я милиции...

Девочка все так же играла во дворе в мячик. Странно, как Илья мог принять ее за Глюку.

Выходя из подворотни, он оглянулся на девочку, отстав от скоро идущего Сергея на четыре шага.

– Стоять! На землю лицом вниз!! – вдруг услышал Илья, выходя вслед за Сергеем на улицу.

От машины "скорой помощи" к Сергею бежали двое рослых санитаров.

– Руки за голову! – кричал один, подбежавший первым, хватая Сергея за шиворот могучей ручищей.

– Обидел, – с сожалением сказал Сергей.

То, что случилось в следующее мгновение, сознание Ильи едва успело зафиксировать – настолько молниеносно все произошло.

Ловким и быстрым движением корпуса Сергей прокрутился под державшей его рукой, локтем нанес короткий удар в солнечное сплетение обидевшего его верзилы, от чего тот, выпучив глаза, хрипя, привалился к стене. Ребром ладони Сергей прижал его горло. Одновременно, не глядя и не оборачиваясь, Сергей нанес удар ногой в живот второму подбежавшему санитару, мол, не мешай. Тот, скорчившись и соорудив страдальческую физиономию, привалился плечом к боку машины "скорой помощи" и затих.

Должно быть, давил на горло верзиле Сергей не в шутку, потому что тот, выпучившись, хрипел, и хотя был роста немалого, но старательно тянулся вверх, от чего вида был

смехотворного, с опущенными вдоль туловища руками, и чем-то напоминал Илье детскую игру "Хочешь, Москву покажу?".

– Ты что, сучара? Ты что обижаешь?..-прорычал Сергей санитару.

– Ошибка... Ошибка... Прости... те... Па-рик-ма-хер... – хрипел санитар.-Мань-як...

Сергей отпустил страдальца. Тот схватился за горло, обиженно отдуваясь. Второй санитар тоже слегка оклемался.

– Мы ж не знали, что ты такой... – с расстановкой сказал второй и, слегка припадая на левую ногу, подошел. – Смотрим – без повязки. Может, ты Парикмахер.

– Мы ловим опасного маньяка, – любовно погладив потревоженное горло, сказал очухавшийся санитар. – Страшный маньяк, бегает по району с бритвой, всех расчленяет.

– Еще не поймали? – спросил стоявший тут же Илья.

– А ты кто такой? – осмотрев его и не обнаружив повязки, подозрительно осведомился санитар и сделал к Илье шаг.

– Он со мной, – заступился Сергей.

– А!.. – с уважением посмотрели на него санитары.

– Да разве ж его поймаешь. Хитрый, гаденыш!

– Но очень опасен. Если встретите, лучше от него подальше держитесь.

– А ты лучше б повязку черную надел: здесь все с черными повязками ходят, чтоб мы отличали, – посоветовал санитар Сергею. – Мы-то ладно, тебя в лицо теперь знаем, а если

другая смена? Они ребята крутые, как бы чего не вышло.

– Вот и я думаю – не вышло, – в тон им сказал Сергей. – Так что ты им по смене передай, пусть сами с повязками ходят. Я их узнаю и, что характерно, трогать не буду.

Санитары похромали к машине.

– Здорово ты их! – сказал Илья, с восхищением глядя на товарища.

– Да это невзаправду. В боевых условиях тот, кто сзади, должен был умереть, а я его ногой только тронул. Вот тебе первое научение: не хватай никого руками – обидишь.

В здании милиции никаких изменений не произошло. Было оно все таким же неприглядным, и в коридорах стояли те же стулья.

– Знаешь, если у тебя данные будут спрашивать, соври лучше – не доверяю я ментам.

Григорий Семенович Алиев принял их сразу.

– Мы с вами встречались три года назад, начал Илья. – Тогда еще капитан Свинцов...

– Помню, помню, – прервал его Алиев. – Вас тогда Свинцов вызывал по поводу дома двадцать пять. Вы, если не ошибаюсь, жили в доме напротив.

– Нет, я был там в гостях.

– В гостях... – задумчиво проговорил Алиев и внимательно посмотрел на Илью. – А сами вы где прописаны?

– Я сам из Новгорода.

– А здесь, значит, в квартире двадцать четыре гостили. А

убийство при вас произошло, да?

– Какое убийство?

– Зверское убийство, с особой жестокостью. Паспорт-то у вас с собой?

– Да нет, я... – Илья побледнел, руки стали влажными.

– Кого убили-то? – спросил Сергей развязно, нагло глядя на следователя.

– А вы, собственно, кто?

– Я дальний родственник Ильи Николаевича.

– Тогда подождите в коридоре, пожалуйста.

Следователь заправил в пишущую машинку протокол и стал впечатывать туда данные Ильи. Помня предупреждение Сергея, Илья все переврал.

– А кого убили? – спросил он.

– Убили Семена Михайловича Никакого, – со вздохом сказал следователь, – а жили вы у Егора Петровича. После смерти гражданина Никакого Егор Петрович бесследно исчез. Из этого следует, что либо он является соучастником преступления, либо тоже, как и Никакой, жертвой. Видите, я от вас ничего не скрываю. А вы, по свидетельству соседей, как раз и гостили в это время у Егора Петровича и тоже бесследно исчезли. Давненько мы вас разыскиваем. Я от вас ничего не скрываю. Все говорю. Стиль работы такой. А гражданина Никакого перед смертью, надо полагать, пытали жестоко – на ногах у него мясо словно выщипано. Фотографии показать?

Следователь полез в стол.

– Нет, спасибо, не надо...

– А он инвалидом считался, сердце у него искусственное – не выдержало, пружинка сломалась... Видите, ничего не скрываю. Знаете что, Илья Николаевич, вы посидите минуточку в коридоре. Я вас вызову.

Когда Илья выходил в коридор, то видел, как следователь снял телефонную трубку.

– Эх, чувствовал я, что не нужно в милицию идти, – сказал Сергей со вздохом. – У них свои методы работы, у меня свои. Но каков Егор Петрович? Каков сукин сын! Все-таки на тебя вывел, – прослушав доклад Ильи, сокрушался Сергей. – Если он тебя подозревает, зачем тогда в коридор выпустил? Странно это.

Илья пожал плечами.

– Ведь ты драпануть можешь, а?

Дверь в кабинет следователя открылась.

– Значит, вот вам повестка. Послезавтра жду вас у себя, – сказал он. – Сейчас у меня дела важные.

Оказавшись на площади Труда и обнаружив кафе, зашли перекусить.

– Значит, одни трупы, а следов никаких, – во время обеда говорил Сергей. – Мистика какая-то, или твой Егор Петрович очень опасный тип и не в себе. Судя по тому, как он над невинными насекомыми издевался, от него всего можно ожидать. Каков хитрец! Следы все замел и тебя подставил.

– Ни за что бы не подумал, что он такой,-сказал Илья, покачав головой. – Но зачем он Сему Никакого убил, не пойму. Ведь когда он рассказывал о подземной чуди, то говорил, что знающий об этом народе подвергается смертельной опасности. Ведь тогда наш разговор Сема Никакой подслушал.

– Ты мне об этом не говорил.

– Но Егор Петрович сказал, что Семе никто не поверит.

– Забудь ты о чуди. Нет никакой чуди. Понял? Возможно, раньше была, а теперь давно уже нет. Конец века, а ты веришь во всякие сказки. Пудрил он тебе мозги специально, чтобы бардак у тебя в башке навести. А насчет обструганного мяса с конечностей покойников я тебе вот что скажу: есть такие африканские рыбки, пираньи называются, так они, что характерно, в десять минут от человека один скелет оставят. А если у твоего Егора Петровича в аквариуме десяток таких водоплавающих живет, сунул им туда руку, потом – ногу... Вот и струганный.

После обеда заказали кофе.

– Но одно, пожалуй, неясно, – задумчиво начал Сергей, закуривая. – Для того чтобы убрать Никакого, у легендолога наверняка свои причины были. Непонятно, почему тебя следователь отпустил. По всем их законам должен бы он тебя в кутузку заключить. А он выпустил.

– Он же сказал – дела.

– Может, и дела, – пустив кольцо, сказал Сергей. – А может, и что-то другое... Ну ладно. Делать нечего, давай-ка мы

с тобой в домик выселенный заглянем, может, что интересное обнаружим.

Ворота все так же были скованы цепью, да и в самом дворе изменений никаких не произошло. Все те же горы хлама и мусора, только теперь в хламных завалах Илья заметил новое поколение быстрых и шнырких котят.

Походили по пустому дому. Предприимчивые граждане почти везде отколупали паркет, и бродить по комнатам было уже не так интересно.

– А в подвалах тут что? – спросил Сергей.

– Подвалы водой затоплены. Только один подвал сухой был. Вернее, не подвал, а котельная. Там маньяк Парикмахер спал.

– О! Пойдем-ка посмотрим на этого злодея. Жуть как хочется на него посмотреть.

Они спустились во двор.

– Вон там, в углу, дверца... – сказал Илья, снизив голос.

Ему стало страшновато, хотя с Сергеем он чувствовал себя увереннее, но по пути все-таки поднял ржавую металлическую трубку.

– Вроде свет там горит, – сказал Сергей, подходя к лесенке, ведущей в котельную.

– Ти-ше, – прошептал Илья. – Значит, дверь резко вышибаем...

– Дверь-то открыта, зачем вышибать...

Глава 4

МАНЬЯК ПАРИКМАХЕР

Они бесшумно спустились по лестнице, Сергей толкнул дверь и бесстрашно вошел в подвал. Илья, сжимая скользкое металлическое средство защиты, тоже вошел.

В котельной горел свет. Прямо посреди помещения сидела дама, вся в белом, с мокрым от пота лицом и головой. Над ней стоял всклокоченный Парикмахер (Илья сразу узнал его) в белом халате; со зверским лицом он замахивался на нее острыми ножницами, должно быть метясь в глаз.

Только мельком взглянув на эту ужасную картину, Илья мгновенно понял всю опасность ситуации и, потрясая железным предметом, заорал бешено:

– Всем оставаться на местах! Руки вверх!! Стрелять буду! – почему-то добавил он неожиданно для себя, хотя стрелять ему было не из чего.

Парикмахер бросил на пол ножницы, поднял руки и отступил назад. Застигнутый на месте преступления, он с ужасом смотрел на ворвавшихся в подвал мужчин.

– Стой смирно, – посоветовал Илья Парикмахеру. – Не то! – Он показал железяку.

– Нахал, – негромко сказала мокрая женщина.

– Что? – не понял Илья, подходя и склоняясь над ней.

– Нахал, – повторила она и, выпростав из-под простыни

руку, изо всей силы ударила Илью по щеке. – Из-за таких, как ты, человек работать не может. Стукач!

Сергей, стоявший у двери, молча наблюдал.

– Простите, мадам! – засуетился Парикмахер. – Давайте в другой раз. Видите, ко мне пришли из казенного дома товарищи. Я вас запишу...

Он взял со стола тетрадку.

Илья с горячей щекой отошел в сторону, начиная о чем-то догадываться. Парикмахер записал женщину на другой день, и она, прикрыв мокрые волосы шляпкой и унизив битого Илью уничтожающим взглядом, удалилась.

Илья, стоя у стены с трубкой в руке, чувствовал неловкость ситуации.

– Я знал, что вы когда-нибудь придете, – усталым голосом сказал Парикмахер, усаживаясь на диван, на котором три года назад застал его Илья спящим. – Но только зачем пугать клиентов? Извольте, я готов заплатить штраф. Где ваши бумаги?.. Только учтите – я ведь считаюсь психически неполноценным. Мне льготы никакие не полагаются? Ну хорошо. Давайте, давайте свои бумаги. – Достав из нагрудного кармана очки и надев их, замахал рукой Парикмахер.

– Какие бумаги? – спросил Илья растерянно.

– Как "какие"? Я ему говорю: "Давайте бумаги". А он меня спрашивает: "Какие бумаги?" Вы ведь, молодой человек, из налоговой инспекции, у вас бланки должны быть. Или теперь дубины вместо бланков выдают? – бросил он взгляд на

железяку в руке Ильи.

– Ладно, папаша, расслабься, – вступил в разговор Сергей, садясь на стул в центре помещения. – Мы к тебе по другому делу.

– Как "по другому"? Так вы не из налоговой инспекции?

– Нет... Видите ли... – начал растерянно Илья, но Сергей перебил его.

– Нет, папаша. Нам тебя как классного мастера рекомендовали. Сказали, что лучшего парикмахера в городе не найти. Ты друга моего извини – пошутил он. Правда, Илья?

– Правда...

Илья пожал плечами, аккуратно ставя железяку к стеночке.

– А-то я завтра женюсь опять, а на голове черт-те что.

– Так вы не из налоговой инспекции, – бубнил озадаченно и радостно Парикмахер. – А то я жду их набега. Каждый день жду. Мне говорили, что они вот так же, как вы, приходят – с воплями. Ну раз вы стричься... – Парикмахер обрадованно поднялся с дивана. – Свадьба, говорите. Тогда я вас лучшим образом. Идите, молодой человек, мочите голову. Вон, под краном.

Парикмахер обмотал Сергея белой простыней и принялся за стрижку.

Обескураженный Илья кротко сел на краешек дивана, ничего не понимая. Что это тот самый маньяк-убийца по кличке Парикмахер, было несомненно. Ошибиться он не мог, но

что сейчас происходит перед его глазами, тоже понять не мог. На всякий случай он пристально наблюдал за каждым щелчком ножниц, который мог оказаться для бесстрашного Сергея последним. Илья следил за острыми их концами, с молниеносной скоростью летающими над головой его товарища, шелканье сливалось в треск: "Чик-чик-чик..." Так же безостановочно говорил и Парикмахер.

– Пожалуй, по древности наша замечательная профессия может поспорить с проституцией. Первые прически, представьте, встречаются уже в Египте в пятом тысячелетии до нашей эры. В Древней Греции мастеров стрижки называли калимистрами. В средневековье представители нашего парикмахерского искусства были банщиками. Они же вырывали зубы и пускали кровь клиентам...

"Чик-чик-чик..." – стрекотали ножницы в его руке.

При последних словах Сергей, как показалось Илье, вздрогнул.

– Это называлось занятиями "малой хирургией". Из-за безнравственности профессии банщика (в то время, знаете ли, мылись одновременно оба пола) работу брадобрёя считали "нечистой профессией". Вообразите себе, их сравнивали с могильщиками и палачами, им даже запрещалось носить оружие – тогда это считалось унижением. Не все, должно быть, знают, что из брадобреев развилась профессия фельдшера, что в переводе означает "полевой парикмахер". Так что от брадобреев пошла профессия врача. И долгое время

вместе с врачами брадобреи участвовали, представьте, при вскрытии трупов.

"Чик-чик-чик..." – стрекотали ножницы.

Заслушавшийся Илья забыл следить за смертоносным инструментом в его руках.

– Но самый мощный расцвет парикмахерского искусства пришелся на правление достойнейшей женщины – Марии Антуанетты – в тысяча семьсот семьдесят четвертом году. Тогда парикмахеры требовали приравнять их даже к художникам...

– Скажи, папаша, – вдруг прервал его Сергей. – А почему ты – профессионал такого уровня – устроил свой салон в этом задрипанном дворике?

– Ох, молодой человек, – вздохнул Парикмахер. – Это тяжелая история, которую я не люблю рассказывать. Теперь ваша невеста будет любить вас во много раз больше.

Он снял с Сергея простыню.

– Да-а-а... Ты, папаша, настоящий художник, как при Марии Антуанетте, – рассматривая себя в зеркало, проговорил Сергей.

Парикмахер расплылся в улыбке.

– Я бедный парикмахер. У меня больше ничего нет, – сказал он. – Но я могу подарить вам на свадьбу эту прическу и не возьму с вас за нее денег, молодой человек. Ведь я тоже когда-то был женат.

– Слушай, папаша, тут по улице гоняет какая-то "скорая

помощь". Сдается мне, что она парикмахеров вылавливает. Может, что характерно, взорвать ее, а? Это я в момент.

– Не надо, не надо! – замахал руками Парикмахер, усаживаясь на стул. – Это милейшие люди. Они тоже зарабатывают свой кусок хлеба, им тоже нужно кормить семью.

– Тогда я чего-то не понимаю, – сказал Сергей, садясь на диван рядом с Ильей и закидывая ногу на ногу.

– О друг мой. Это печальная история. Я расскажу вам ее, чтобы вы никогда не связывались с этими ужасными людьми. Даже если они будут предлагать вам очень много денег. Пять лет назад я работал у Китаецца. Причем я стриг не только его, но и всех его людей. И я скажу, что я имел тогда хорошие деньги. Да, мы, евреи, любим хорошие деньги. Да, евреям быть страшно, но я уже больше ничего не боюсь: я устал бояться. Поэтому я говорю вам, что мы, евреи, любим хорошие деньги. А кто же их не любит?! И тогда я их имел. Но Китаецц – человек нрава очень крутого. Терпел я много. Я терпел всю жизнь, поэтому я привык терпеть. Но Китаецц...

– Послушай, папаша, что ты все "китаец" да "китаец". Что за китаец? Откуда он взялся?

– Так вы не знаете?! Сразу видно, что вы культурные люди. Это же самый страшный человек. Ведь он держит в страхе весь город. Весь город платит Китаеццу. Я приходил к нему каждый божий день и брил его. Сказать честно, он платил хорошие деньги, и я жил благополучно, и вся моя семья жила благополучно. Но это страшный человек. И я терпел это-

го страшного человека. Но однажды я не вытерпел. Очень напрасно с парикмахеров не берут клятву Гиппократата. Я не стану говорить, как он меня обидел. Но это было так сильно, что у меня от обиды затряслись руки. И во время стрижки я отстриг ему мочку уха. Это было впервые в моей жизни, и больше никогда, никогда у меня не дрожали руки. Я думал тогда, что он просто убьет меня. Что стоило ему убить парикмахера-еврея. Ведь на его совести много жизней. Лучше бы он убил, но он сделал хуже – он испортил мне жизнь. Он отправил меня в психиатрическую больницу, где меня стали колоть медикаментами для "выздоровления". Но чудом мне удалось бежать... А как я бежал!.. Как я бежал из психбольницы! Об этом можно писать роман! Представьте, я бежал через подземный ход. Нет, это не значит, что Парикмахер вырыл его своими руками. Мне показал его один очень хороший человек – он был алкоголик. Они нашли его по случайности. Было холодно. Они полезли в трубу и нашли этот ход. Потом этот достойнейший человек попал на отделение в горячке. Он-то и показал мне ход. Для этого нужно было попасть в палату, отодвинуть кровать на колесиках, поднять линолеум... Мне помог один очень хороший человек – он был сумасшедший. Он просил позвонить его маме. Но я потерял номер телефона. Я бежал, мне было страшно... Я никогда никого не обидел. Клянусь. Но Китаец, узнав о моем побеге, нанял две машины с санитарями, чтобы они непременно поймали Парикмахера и отправили к психам. – Па-

рикмахер замолчал, грустно глядя в пол и покачивая головой. – Но они хорошие люди, и им тоже нужно кормить семью, поэтому они не могут меня поймать. Если они поймают Парикмахера, то лишатся работы. Но стричься ходят только ко мне. А работать они стараются. Китаец уже подсылал людей с инспекцией. Им работа понравилась.

– Скажите, вы не были знакомы с Егором Петровичем? – спросил Илья. – Он в доме напротив жил.

Парикмахер задумался:

– Нет, пожалуй. Он у меня не стригся. Я помню всех, кто у меня стригся.

– А девочка, его соседка, Глюкой звали. Помните?

– Ну, конечно, помню. Мы с ней дружили. После смерти отца она уехала жить к матери. А Егора Петровича не знаю. Теперь там живут другие люди.

– А про чудь никогда раньше не слышал? – спросил Сергей.

Парикмахер пожал плечами:

– Может, и слышал когда, да забыл. У Парикмахера плохая память.

Глава 5

СЕКРЕТ РОЖДЕНИЯ

Расставшись с парикмахером, друзья сели в машину.

– Обмишурился ты, Илья, с Парикмахером. Я уж думал, и правда маньяк. Куда теперь поедем? Видишь, какая история получается. Твой легендолог пропал, и концов никаких. Подумай, кто еще может на него вывести.

Илья пожал плечами:

– Пожалуй, больше никто.

– Ну тогда дело дрянновато. Давай, что ли, в Кунсткамеру съездим. Там как раз выставка уродов. Посмотрим на чудного детеныша. Может, в нем разгадка.

Ехать оказалось недалеко. Переехали через мост Лейтенанта Шмидта и по набережной...

– Интересное дело... – пробурчал Сергей, поглядывая в зеркало заднего вида. – Интересное дело...

Вдруг, визжа тормозами, он развернулся, поехал в обратную сторону, потом свернул в улочку и увеличил скорость.

– Не отстают, козлы!.. – сквозь зубы цедил он.

– Что случилось? – заметив манипуляции Сергея, спросил Илья и посмотрел назад.

– Видишь, "вольвочка"-красавица на хвосте сидит. Чувствовал я что-то, понять не мог. А нас вон уже ведут, что характерно. Значит, вышли мы на правильную дорожку... –

Он лихо повернул баранку, Илью кинуло на Сергея. – Эх, шины лысые... Вот теперь смотри! Нету их?!

– Нету!

Сергей притормозил и, свернув, влетел во двор.

– Тут затихаримся пока.

Сергей закурил сигарету.

– Значит, Парикмахер... – задумчиво начал Илья. – Никак я не думал.

– Парикмахер вряд ли. Он бы не успел никого предупредить. Раньше уже вели.

Пущенное Сергеем кольцо из дыма разбилось о ветровое стекло.

– Может, из жилконторы, – предположил Илья. – Не понравился мне этот сантехник человеческих душ... Не зря бабка его кляла.

– Да, может, и от конторы. Поехали.

Неторопливо выехав из двора, осмотрели улицу. Потом, немного покрутившись по району, выехали к музею. Сергей оставил машину в незнакомом дворике.

Оказалось, что они пришли к закрытию, но Сергею с его грубоватой обаятельностью удалось заболтать билетершу, и они стали торопливо обходить залы.

Сергей тоже впервые был в этом музее и очень заинтересованно осматривал экспонаты, не забывая все же цели прихода, чего нельзя было сказать об Илье. Он подолгу задерживался у какого-нибудь облюбованного им уродца в колбе

и не мог оторвать от него восхищенных своих глаз. Именно здесь и именно сейчас он понял, что всю жизнь стремился видеть уродство, что неосознанно всегда тянуло его к человеческой особенности, непохожести и внешней индивидуальности. Его привлекали уродства других людей. Уродство как окошечко в другой мир, в котором люди не похожи на окружающих его. И он замирал от блаженства. Раньше он видел примитивные проявления уродств. Разве тех встречаемых им большеголовых карликов, старух в ортопедических ботинках, горбунов, больных "пляской святого Вита" можно было сравнить с этим великолепием форм! Этим праздником уродства! О ухищренность Создателя!

Завороженный, он переходил из зала в зал с благоговейным ужасом. Неужели там, за дверью, может ожидать что-нибудь еще? Неужели может оказаться что-нибудь более неожиданное, более изощренное... И замирало дыхание!

– Ну куда теперь? – надоедал, отвлекал, рушил этот прекрасный мир Сергей.

– На втором этаже, кажется... – бубнил Илья, не в силах оторваться от стендов.

Поняв, что Илья слишком увлечен, Сергей сам стал определяться в дальнейшем пути.

– Вот, похоже, в этом зале, – наконец сказал он Илье. – Посмотри сам. Второй этаж и, как легендолог объяснял, в углу... Да вот же он.

Они осторожно прошли мимо музейного рабочего, кото-

рый, стоя на стуле, смазывал дверные петли.

– Ну точно, он и есть, – приближая лицо к стеклу стенда, сказал Сергей.

Илья уставился на сосуд, разглядывая крохотное уродливое тельце человека. Все было в нем так, как говорил исчезнувший легендолог.

Вглядываясь в мертвого ребенка, Илья, к своему изумлению и ужасу, видел лицо легендолога, мутное и прозрачное, как у привидения. Что такое?..

– Это он... – хрипло прошептал Илья.

– Кто? – Сергей наклонился поближе, разглядывая человека в колбе.

– Это он – Егор Петрович, – шепотом выговорил Илья.

Илья не сразу сообразил, что призрачно-мутное лицо, которое он видел, – отражение, а человек этот находится сейчас за спиной. Илья, все еще не веря стеклу стенда и опасаясь, что это в его воображении, медленно повернулся...

На стуле, прямо напротив Ильи, там, где минуту назад стоял слесарь, сидел долговязый Егор Петрович, только без бороды и с коротко остриженными волосами. В том, что это легендолог, Илья не усомнился ни на секунду, хоть бы он обрил, как мусульманин, голову или зарос бы весь густой растительностью.

Егор Петрович, скучая, глядел мимо Ильи, мимо чудного ребенка, мимо...

– Ты что, Илья? – спросил, встревоженный странным

взглядом товарища, Сергей.

– Это он, – снова повторил изумленный Илья.

Почувствовав чужой взгляд, Егор Петрович встретился глазами с Ильей, вздрогнул и отвернулся к двери.

Илья подошел к Егору Петровичу совсем близко. Легендолог все так же продолжал смотреть на дверь, словно не замечая стоящего перед ним человека, но чувствовалось его внутреннее напряжение. Так они молчали: Илья глядел сверху на легендолога, тот не отводил глаз от двери.

– Здравствуйте, Егор Петрович, – наконец не выдержал Илья.

– Вы ошиблись, я не Егор Петрович, – со вздохом сказал он, не поворачиваясь.

– Да нет, это вы ошиблись. Вы – Егор Петрович.

Помолчали.

– Зачем ты приехал? – спросил легендолог одними губами все так же окаменело, не поворачивая головы.

– Я приехал разобраться, – сказал Илья. – И теперь, кажется, разобрался.

– Зря ты приехал, – сказал Егор Петрович, повернув голову и глядя прямо в глаза Илье.

Глаза у него были какие-то тусклые, неживые, взгляд застывший.

– Нет, не зря. Теперь мне известно, что сначала вы морочили мне голову...

– Если бы ты знал... – перебил Егор Петрович.

– Потом убили Струганого! – повысил голос Илья.

От этих слов Егор Петрович вздрогнул, взгляд его угас, губы задрожали. Он как-то весь сжался.

– Убили старуху, – безжалостно продолжал Илья.

Его распирала злоба против этого человека, который хотел скинуть на него свои делишки, морочил ему голову...

– Ладно, папаша, что характерно, раскальвайся. Скрывать бесполезно, – сказал стоявший рядом Сергей. – Мы ведь все про тебя знаем.

– Да, я должен рассказать, – устало проговорил Егор Петрович. – Должен.

– Уж точно, должен. Раз к стенке приперли, улыбнулся Сергей.

– Сейчас музей закрывается. Мы можем пойти ко мне и там поговорить.

– Только ты, папаша, не вздумай убежать или там тюкнуть по темени ледорубом друга моего, – уважая старость, предупредил Сергей.

Егор Петрович криво ухмыльнулся.

Легендолог поднялся на ноги и, взяв висевшую на спинке стула трость, медленно поковылял из зала. Что-то за эти годы случилось у него с ногами. Видно было, что передвигался он с большим трудом.

Где нужно расписавшись в сдаче поста, Егор Петрович молча похромал из здания. Перед тем как выйти из музея, Сергей минут пять стоял у стеклянной двери, наблюдая за

улицей. Илья не посчитал такие меры безопасности излишними.

– Это не ваши друзья нам на бампер наезжают? – спросил Сергей у Егора Петровича.

Тот улыбнулся грустно и ничего не ответил, мысли его были далеко. Илья видел, что легендолог не ожидал раскрытия его преступлений, и был подавлен и уничтожен этим.

С другой стороны улицы к ним направлялся невысокого роста мужчина. Сергей заметно напрягся.

Когда человек подошел ближе, Илья признал его по странному головному убору – таких он больше ни на ком не видел.

– Зубов много, а ничего не ест, – сказал человек в уборе, остановившись.

– Расческа, – разгадал эрудированный Егор Петрович.

– Хм, правильно, – хмыкнул человек и пошел своей дорогой.

– Это Николка-Сфинкс, – пояснил Егор Петрович, когда они двинулись дальше. – Его еще зовут иногда Египтянином. Безобидный человек.

– А если не отгадаешь, что сделает? – спросил Илья.

– Ничего страшного, плюнет и пойдет, – ответил легендолог.

– В лицо? – вспомнив первую встречу со Сфинксом, спросил Илья.

– Да нет, на асфальт, символически.

Пройдя темными закоулками, Егор Петрович привел их к

двухэтажному дому, где он проживал на первом этаже очень убогой квартиры. Вторую комнату занимал пьяница.

Комната легендолога была мала, грязна, обставлена старой мебелью, как видно натасканной Егором Петровичем с помоек.

В этом больном старике, живущем в отвратительных бытовых условиях, Илья уже не видел того жуткого паука, которого боялся три года назад. Теперь он попал в другую паутину (Илья вспомнил наколку на спине Сергея) другого паука. Теперь Егор Петрович вызывал в нем жалость. Но Илья взял себя в руки, нарочно вспомнив, что этот человек – убийца и хотел злодейства свои спихнуть на него, загубив молодую его жизнь.

Среди вещей, стоявших на столе, Илья увидел стеклянную банку с крышкой. В ней суетилось несколько мух и тараканов, тут же стоял и саркофажик, не тот, который Илья видел на старой квартире легендолога, а совсем другой, попроще. Значит, своим привычкам казнить насекомых Егор Петрович не изменил и здесь.

– Чаю предложить не могу, – сказал Егор Петрович, усаживаясь. – Нету.

– Мы к тебе, папаша, не чай с лимоном и цианистым калием пить пришли, мы, что характерно, от тебя много подробностей узнать хотим, – сказал Сергей, устраиваясь вместе с Ильей на продавленном диване и без разрешения закуривая сигарету.

– Да, уже три года я мучаюсь. Так что лучше кому-нибудь рассказать. Когда ты узнаешь, ты, Илья, быть может, простишь меня. Да, почти все, что я говорил о чуде, правда...

– Опять о чуде, – устало проворчал Сергей.

Но Егор Петрович не заметил этого и продолжал.

– Почти все. Кроме, пожалуй, одного. Раньше, при Петре еще, это был довольно многочисленный народ, но отсутствие дневного света (потому что выбирались они из-под земли, увы, редко) сильно портило здоровье и сокращало их число. Кроме того, у выходов из-под земли, где видели земляных людей, ставили стражу и убивали их беспощадно. Особенно, конечно, чужь пострадала при советской власти. Подземелья их накачивали газом (якобы борясь с крысами), и гибли они там сотнями. А вот теперь власти оставили их в покое, да другая напасть... Но об этом позже. Так вот, осталось их всего человек двести. И совсем они не могущественны, как я тебе говорил. Но самое главное, – Егор Петрович вздохнул тяжело, – мой отец из этого племени. Да, Илья, эту мою тайну никто на свете не знал, кроме Струганого. Мать моя жила на первом этаже, и вот из подземелья стал навещаться к ней по ночам человек с темным землистым цветом кожи. Придет, бывало, ночью, сядет напротив кровати и сидит смотрит молча. Народ этот зрение так натренировал, что во тьме видит. Поначалу мать думала, что мерещится ей, потом привыкла к ночному посетителю. Стал он с ней заговаривать, а сам русский язык плохо знает – на финском говорит, да та-

ком древнем, что современный финн его и не поймет. Начала мать моя с ним язык учить. И завязалась у них любовь. От той любви я на свет появился.

Помню я, приходил отец тайно по ночам – и то не каждый раз, как потом мне мать рассказывала, скрывал он от своих соплеменников, что есть у него семья на земле: у них связи такие не поощрялись. Меня будили ночью, и мы с ним играли и разговаривали. Потом меня снова укладывали спать, и я просыпался поутру, часто даже не помня, что играл с отцом, или думая, что это был сон. Мать поддерживала во мне это странное полуреальное состояние. Жизнь моя, конечно, была совсем не похожа на жизнь сверстников, которые точно знали, где в их жизни явь, где сон. Поэтому во дворе меня считали странным и обижали. Но это было неважно. Каждый раз я ложился в постель с удовольствием, потому что надеялся, что во сне ко мне придет добрый дедушка. И, сидя у него на коленях, я буду слушать его странные песни на непонятном мне языке. Он будет рассказывать легенды, обряды и сказки своего народа. Нет, конечно, тогда я не знал, что это мой отец: от меня это старательно скрывали, опасаясь, что я могу проговориться. Так мы и жили.

Нужно сказать, что мать мою соседи считали ненормальной, потому что часто слышали ночами доносящийся сквозь дверь ее голос (отец умел говорить настолько тихо, что слышно было только нас). Я родился в тридцатом году, а в тридцать седьмом отца забрали. Скорее всего, кто-то видел

его выходящим из подвала.

Я очень хорошо запомнил ту ночь, когда впервые за семь лет своей жизни понял, что все мои сны были явью.

Они ворвались, когда я сидел на коленях у отца. Мгновенно всех ослепил яркий свет – это включили люстру под потолком (с отцом мы сидели всегда при накрытой маминым платком лампе, в полумраке). Стуча сапогами, люди в милицейской форме вывели отца из комнаты. Я видел его при свете в первый и в последний раз. Он был не такой, как все люди, он показался мне в тысячу раз красивее их.

Мать была в большом горе. Но она была смелой женщиной и беспокоилась не только о своей жизни. Той же ночью, когда забрали отца, мать решилась на отчаянный поступок.

Под землей оставались ни о чем не подозревающие соплеменники отца. Он рассказывал, как работники НКВД душат их, пуская в подземелья газ. Мать должна была предупредить их, но как? Отец подробно рассказывал о подземном пути, который он проделывал. Но он предупредил, что в те подземные лазы, в которые он пробирается, взрослому человеку без особой подготовки не протиснуть своего тела. Значит, оставалось послать меня. Кроме меня, у мамы больше никого не было. Она сделала это ради других людей, ради последних жителей подземного народа. По памяти она рассказала мне, как и куда мне следует лезть, дала свечу и отвела в подвал.

Я понимал, что от меня теперь зависит жизнь многих людей. Мне было всего семь лет... в том подземном ходе было

так страшно... Да, я до сих пор помню почти все. Я полз на четвереньках по земле, из глаз моих текли слезы ужаса, и я слабым голосом пел песню на древнем финском языке, которой научил меня отец.

Я полз, наверное, целую вечность, крысы кидались в стороны, но я стремился дальше и дальше, уже не помня, в ту ли я ползу сторону...

Свеча погасла, будто от дуновения ветра. Теряя сознание, я почувствовал, что кто-то медленно тащит меня волоком по земле. Очнулся я в большой зале, возможно, мне показалось, что она была большая после узкого подземного коридора, горела свеча. Рядом кто-то переговаривался на языке моего отца. Женщина – я успел разглядеть, что это беременная женщина, – натирала мне виски чем-то холодным. Здесь пахло землей так же упоительно приятно, как от отца. Некоторые слова я понимал и стал вмешиваться в разговор. Среди подземных людей были и такие, которые говорили на русском. Так, путая и смешивая два языка, я передал им все, что велела мать.

Было в подземелье человек двадцать, но, возможно, и больше. Они начали спорить между собой. Потом меня положили на кусок материи с колесиками – этикие земляные санки – и бесшумно отвезли на поверхность. Предупредив, чтобы я ни в коем случае никому не рассказывал, что видел в подземелье.

А на следующий день мы видели, как работники милиции

оцепили дом, зашли в подвал и занесли туда какие-то баллоны... Через три дня арестовали маму. Больше я ее никогда не видел. Казалось бы, народ, кровь которого течет и в моих жилах, пропал навсегда, как являвшийся в снах отец, которого я видел только один раз наяву.

Меня взяла к себе жить двоюродная тетка матери, смотревшая на жизнь поверхностно и реалистично. Сначала она спросила меня о том, что произошло с мамой. Но, выслушав один раз, больше не возвращалась к этой теме и велела никому этого не рассказывать, посчитав, что я тронулся умом от горя.

Отечественная война застала меня в возрасте одиннадцати лет. Тетушка, у которой я продолжал жить, в том году достигла пенсионного возраста и испугалась ехать в эвакуацию. Тогда, в начале войны, никто не мог предположить, что будет дальше... А дальше была блокада. У нас в квартире умерли все соседи, мы еще держались за счет мешка картошки, который нам перед самой блокадой привез дальний родственник. Но и картошка кончилась. На наши хлебные карточки иждивенцев выделялось мало хлеба.

Умерла тетя тихо и незаметно – просто не проснулась утром. Я тоже не вставал с кровати, дров давно не было и, навалив на себя кучу тряпья, лежал, то погружаясь в сон, то вновь обретая реальность.

В таком угасающем состоянии меня и обнаружили соплеменники отца. Как они разыскали меня в умирающем горо-

де, мне непонятно по сей день. Но они стали приносить для меня еду. Мне остается только догадываться, что это была за еда – вкус у нее был очень непривычный. Потом никогда ничего подобного я не ел. И эти ночные пришельцы спасли меня от голодной смерти. Они появлялись только ночами, и снова, проснувшись утром, мне казалось, что это продолжение того детского сна.

Уже после войны я слышал от многих людей, переживших блокаду, что к ним, лежавшим при смерти, ночами тоже приходили темнолицые люди, разжигали огонь в печи, наливали в миску похлебку и бесшумно исчезали. Скольких еще людей спасли они в ту страшную зиму...

Двадцать лет я ничего не слышал о подземном племени. Но оказалось, что они помнили обо мне. Однажды ночью от них появился посланник...

– Эх, е-о-о, мое! Пьете, падлы!! – Дверь вдруг широко распахнулась, и пьяный здоровенный бугай встал на пороге. – А мне кто нальет! А?!

К своему ужасу, в руках у него Илья увидел топор.

– Это сосед, – спокойно сказал Егор Петрович, не шелохнувшись.

– А мне кто нальет?! – гремел мужик и вдруг засадил острием топора в крышку стоявшей возле двери тумбочки.

Сергей легко соскочил с места и вытолкал мужика за дверь. Не было его несколько секунд, потом в коридоре что-то тяжело упало. И тут же Сергей возвратился. Топор так и

остался торчать из полированной поверхности тумбочки.

– Так вот, с тех пор я охранял чужд, – когда Сергей сел на место, продолжал Егор Петрович. – Тридцать лет я приносил им лекарства и... устранял опасные последствия ритуалов...

– Это еще что такое? – спросил Сергей. – Трупы прятал после них?

– Нет, трупы не нужно прятать, – ничуть не обиделся Егор Петрович. – Но есть у них один обряд. Один раз в два года они, выйдя на поверхность земли, должны пронести на руках человека, на которого пал жребий... Но я не имею права говорить об этом. И еще, они должны взять к себе в подземный город того, на кого укажет Атхилоп. А там, под землей... Впрочем, я не могу открывать тайну мистерии. Наверное, не нужно говорить, что они владеют многими кладами и богатствами, спрятанными людьми в земле. И когда человек возвращается из-под земли, моя задача в том, чтобы он забыл виденное. Это важно и для него тоже. Может быть, прежде всего для него.

– И поил их настоем афганской колючки?

– Да, я поил их настоем колючки. Но настой этот не главное. Есть тайные приемы, передаваемые жрецами чуди из поколения в поколение, которые помогают человеку забыть. Люди, побывавшие под землей, забывали; и я со спокойным сердцем отпускал их домой. Так было много лет. Но однажды я проговорился. Я не предполагал, какие могут быть последствия моей откровенности. Я рассказал все своему дру-

гу Николаю. Нужно сказать, что у меня никогда не было друзей – он был единственным. Дружили мы со школы, и однажды я разоткровенничался и рассказал все ему. Конечно, он поначалу не поверил. Но я захотел во что бы то ни стало доказать ему. Я устал от гнета тайны, которую нес всю жизнь в одиночку. Казалось, что стоит мне хоть кому-нибудь доказать существование подземного народа, и мне станет легче жить. И я тайно показал ему шествие чуди по улице. Все, с начала до конца. Но мне не стало легче: теперь я знал, что еще кто-то посвящен в эту тайну и в любую минуту может проговориться...

– И ты решил убить его... – встрял с догадкой Сергей.

Лицо Егора Петровича исказило страдание.

– Да, – сказал он. – Тем, что я открыл ему тайну, которую должен был нести один, я обрек его на страшные мучения и смерть. Это моя вина, и я умру с ней. Так и случилось, как я предполагал. Николай любил выпить и часто в пьяном чаду говорил много лишнего, чего не стоило бы говорить... И однажды Николай исчез. Видели его последний раз в пивном баре.

Через три месяца после его исчезновения ко мне пришла женщина и сказала, что мой друг Николай просит меня прийти по указанному адресу. Когда я пришел к нему, то ужаснулся его виду. С тех пор все называли его Струганым, и мне он велел забыть его имя. Тогда от своего друга я впервые услышал о банде Китайца.

Оказалось, что Китаец со своими головорезами, зная о подземном народе, уже много лет охотится за ними по всему городу. Он чудовищно жесток и беспощаден. Китаец обложил налогами весь город, но ему все мало денег. Он охотится за сокровищами подземелий, чтобы превратить их в деньги. А на Николая они вышли по случайности и, похитив его, привезли на одну из квартир. Боже мой! Какие муки он испытал там в течение двух недель! Но он не выдал меня, зная, что я являюсь единственным связующим звеном с жителями подземелий и только мне они доверяют полностью. Каким-то чудом Николаю удалось бежать, кроме того, он прихватил с собой папку с документами, компрометирующими Китайца. Но, зная всемогущую его силу, не торопился передавать их в правоохранительные органы. Даже из тех бумаг, которые имелись у него, было понятно, какое количество чиновников и представителей закона получают от Китайца взятки! Это были очень важные документы.

Китаец искал Николая около пяти лет, но не нашел. Мне неизвестно, как Китаец узнал о том, что и я имею отношение к чуди. Я много думал об этом, но кроме тебя, Илья, и следователя Свинцова, я никому не говорил об этом народе, конечно, от вас обоих я скрыл самое главное... После твоего ухода в отделение милиции я вышел из дома, собираясь съездить на вокзал, чтобы купить тебе билет на поезд, но тут прямо на улице двое мужчин запихали меня в машину и привезли в какую-то квартиру. Страшное это было место.

Комната, где стены и пол заклеены клеенкой, страшной белой клеенкой; там были каталки... больничные каталки и эти отвратительные, ужасные инструменты...

Егор Петрович сморщился, лицо его перекосилось; он сжал зубы, и они заскрипели в тишине жалобно. Помолчав несколько мгновений, он взял себя в руки и продолжал:

– Мне рвали живое мясо... Они аккуратненько резали меня специальными, очень специальными приспособлениями. Я не представлял такой муки. Эта боль останется навсегда в моем мозгу. Маленькими кусочками они методично раскрамсывали мое тело... Начали они с ноги. Вот этой. – Егор Петрович задрал штанину, и Илья с Сергеем увидели лишённую икры кость, затянутую белыми неровными рубцами. – Допрос они начали о Николае: им очень требовались эти документы. Я терпел! Клянусь, я терпел, даже когда нельзя было вытерпеть. Я держался целую ночь. Но... Да, я рассказал, где живет Струганый, предав его этим на смерть. Из-за меня его убили. – Егор Петрович замолчал, он уныло смотрел в пол. – А вы знаете, когда кому-нибудь расскажешь, действительно становится легче.

– Еще легче тебе, папаша, будет, если ты узнаешь, что китайцы уже до тебя знали, где Струганый, – сказал Сергей.

Егор Петрович вздрогнул.

– Как знали? – прошептал он еле слышно.

– Да, Егор Петрович. Это я, не ведая того, привел китайцев к Струганому. Оказывается, когда я поехал его преду-

предить, за мной уже следили. Я сам уцелел по случайности.

– Какие подонки, – прошептал Егор Петрович.

– Так что ты, папаша, себя не вини, а расскажи, как тебе удалось драпануть оттуда, что характерно, искалеченному. И напиши адресочек – мне как раз в ту сторону ехать.

– Нет, адрес мне неизвестен, ведь меня привезли туда с мешком на голове, а обратно в мусорном ящике. Дело в том, что, когда меня пытали, у меня было видение. Боль была настолько нестерпимой, что временами я терял сознание, потом возвращался опять в комнату и в себя. Во время пыток ко мне пришел отец, именно такой, каким я видел его в первый и в последний раз. "Ты должен отойти в сторону", – сказал он мне. "Но куда? Я ведь прикован к каталке, как я могу отойти в сторону?" – "Ты не понял – ты должен отойти в сторону от своей боли". Он взял меня за руку и отвел в сторону. "Вот. Видишь? Тебе совсем не больно". И правда, мне стало совсем не больно. "А можно совсем уйти?" – спросил я. "Нет, тогда ты не сможешь вернуться. Постой пока просто в стороне".

Причем я видел все, что происходило вокруг моего тела. Меня перестали резать, заходили из комнаты в комнату. Потом пришел незнакомый человек, посмотрел на меня, пощупал пульс под подбородком и избил двоих, пытавших меня, – они не сопротивлялись. После этого тело мое отвязали и положили в огромный черный полиэтиленовый пакет. Больше я ничего не помню.

Пришел в себя я через пять дней на городской свалке. По случайности меня нашли живущие на свалке бомжи. Как они рассказывали потом, они подумали, что я мертвый. Говорят, что на свалке таких в пакетах полно. Но один, бывший доктор, надумал пощупать пульс. Пульс прощупывался. Привели местную старуху, лечившую бомжей от болезней, и вместе с врачом они вернули меня к жизни. Это было удивительно, что я выжил, но я думаю, что это благодаря моему отцу. Не в том, конечно, мистическом смысле, а за счет его здоровья и его силы. Ведь всю жизнь прожить под землей – для этого нужно иметь особый склад здоровья. Теперь я работаю по чужой трудовой книжке, меня устроил на работу один знакомый. Комнату вот снимаю... – Егор Петрович покосился на торчащий из тумбочки топор. – Но с меня сегодня свалился тяжкий грех предательства.

Егор Петрович казался уже не таким мрачным, как сначала.

– Можешь спать спокойно, папаша. А вот нам придется подумать, где теперь разыскать этих китайцев. Никто ничего не помнит, что характерно, никто ничего не знает...

– Сему Никакого тоже убили, – сказал Илья.

– Сему?! А его-то за что? – изумился Егор Петрович.

– А за то, что он ваш разговор подслушал и трепанул где-то, видно. Его китайцы и замочили, – прояснил общее недоумение Сергей.

– Ну хотя бы приблизительно вспомните, – попросил

Илья. – Ну хоть вид из окна какой?

– Вид из окна... – задумался Егор Петрович. – Обыкновенный вид: стену дома метрах в пятидесяти видно, больше ничего. Желтую стену без окон... Послушай, Илья, ну зачем вам-то это нужно? Что вы хотите? Китаец ведь страшный человек. Для него человеческая жизнь ничего не стоит. Поимите это!

– Знаю! – вдруг воскликнул Сергей радостно. – Знаю, кто нас к Китайцу приведет! Поехали!

– Мы еще увидимся, Егор Петрович, – прощаясь, сказал Илья.

– Дай-то Бог!

Глава 6

ВСЕ МЫ СМЕРТНЫ

Было поздно. Илья уже привык к тому, что в этом городе не бывает ночей. Только прохожих было мало – день будний.

– Я понял, кто может вывести нас на Китайца. Парикмахер! – говорил Сергей, пока они шли к дворику, где прятался автомобиль.

– Точно! Только он, по-моему, так напуган этими бандюгами, что навряд ли расскажет, – с сомнением проговорил Илья.

– Ну, я об этом позабочусь, – ухмыльнулся Сергей.

Они выехали на набережную Невы. Часы показывали 23:30.

– Ошибся я с Егором Петровичем. Но кто же мог предположить, что тут замешана еще какая-то сила. Ведь легендолог, что характерно, очень походил на злодея-убийцу со всеми его преступлениями против насекомых. Кстати, надо было спросить, зачем он их казнит. Ну да в другой раз. Теперь мы на правильном пути. Чувствую я, что начинается самая главная работа... Та-ак... Откуда это они взялись...-перебил сам себя Сергей, поглядев в зеркало заднего вида.

Илья оглянулся – сзади маячила знакомая иномарка.

– Ведь не было ее, правда?

– Не было, – подтвердил Илья.

Сергей свернул с набережной. "Вольво" последовала за ними и приблизилась настолько, что Илья уже мог видеть лица сидящих в ней людей.

Водитель был в темных очках, рядом с ним сидел полный, даже жирный, мужчина. Щеки его вздрагивали от неровностей дороги.

"Даже такую огромную тушу "вольво" везет без напряжения. Хорошая машина", – подумал Илья.

Толстяк, увидев, что Илья обернулся и смотрит, вдруг расплылся в омерзительной улыбке и погрозил ему перстом. Но тут Сергей резко повернул на другую улицу, успел проскочить на зеленый сигнал светофора и снова повернул. Преследователи не отставали.

– Хорошая у них машина, что характерно, да и водитель ничего.

Илья уже не смотрел назад, внутри у него будто что-то оборвалось – кончилось время неведения; и сейчас он уже начинал понимать, что ввязался в странную и страшную игру. Сейчас он не мог определить, почему подействовала на него эта, казалось, безобидная угроза.

"Ну подумаешь, пальчиком погрозил, – успокаивал себя Илья. – Чего в этом страшного-то. Просто морда у толстяка мерзкая, глазки свиные... Чего меня в пот-то кинуло..."

– Оторвемся, – зло шипел Сергей, отчаянно поворачивая руль, лысые шины повизгивали. – Я Васильевский хорошо знаю. На их машине, что характерно, сразу бы ушли, ну

да ничего, оторвемся... Тут еще не разгонишься, гаишники кругом...

Около получаса кружили по району, пока Сергей наконец не сказал, слегка толкнув Илью в плечо:

– Расслабься, ушли. Ты что-то бледненький. Ты, может, не русский – быстрой езды не любишь. Сейчас поедem, Парикмахера к стенке прижмем, а там посмотрим.

– Слушай, Сергей, – задумчиво начал Илья. – Я-то ладно, я разобраться хочу, потому что сам в это дело влип. А тебе зачем это нужно?

Сергей минуту молчал.

– Знаешь, я вот подумал сейчас, как это тебе объяснить популярнее, и понял, что не выйдет. – Он вздохнул глубоко. – Тот, кто не был в Афгане, этого не поймет. Десять лет я уже словно под землей во тьме с чудью живу, а теперь появилась возможность снова солнце и небо увидеть. Жизнь ощутить. После Афганистана я понял, что полноценной жизнью живешь только тогда, когда рядом с тобой смерть. Только тогда ты можешь чувствовать жизнь и радоваться ей.

– А разве недостаточно просто знать, что все смертны? Что жизнь и так пройдет.

– Знать и ощущать – разные вещи. Одно дело, когда ты сидишь дома и стараешься думать о том, что придет время и ты умрешь... И другое – когда смерть рядом с тобой, забирает твоих товарищей, даже если ты думаешь на другую тему. Она сама напоминает тебе и грозит пальчиком. – От

этих слов Илья внутренне сжался. – Этого не объяснить. Это можно только почувствовать... или не почувствовать. Упоевание жизнью наступает только тогда, когда вокруг смерть. А философские размышления о смерти ведут к унынию и, как правило, не утверждают жизнь, а утверждают смерть... Ну вроде не видно никого. Поехали к Парикмахеру.

Машину из предосторожности Сергей оставил в незнакомом дворе, и к дому они подошли пешком.

– Вроде тихо... Ты, Илья, запомни: если что-нибудь начнется, все мои команды исполняй не раздумывая. На размышление времени слишком много уходит. А вообще, что-то не то...

– Что "не то"?

– Не знаю что, – неопределенно ответил Сергей, сузив глаза и внимательно вглядываясь в окружающую среду.

Они вошли во двор. Об их приходе уведомили взывшие петли ворот. Минуту постояли, вслушиваясь в тишину, потом двинулись дальше.

Изменений во дворе не было. Они, стараясь производить как можно меньше шума, перебрались через мусорные навалы. Дверь в подвал Парикмахера была гостеприимно приотворена, там горел свет, слышалась музыка из репродуктора.

– Чего радио-то так орет? – прошептал Илья.

Но Сергей сделал ему знак молчать и вдруг, словно что-то вспомнив, остановился у ступенек, глядя на приоткрытую дверь с уютно, по-домашнему, горящим светом, слышащей-

ся оттуда песней Луи Армстронга. Лицо Сергея было напряжено, складка разрезала лоб. Несколько мгновений он размышлял, потом, бросив взгляд на окна дома, неслышно спустился по ступенькам и резко открыл дверь.

Илья последовал за ним.

В помещении котельной никого не было – приемник, стоявший на письменном столе, был включен на полную.

– Где это он ночью бродит?

Илья подошел к столу и сделал музыку потише. Сергей, стоя на месте, внимательно оглядывал котельную.

– Знаешь, у меня такое чувство было, когда мы сюда входили, что за нами следят. Давай-ка я дверь подопру.

Сергей взял швабру, стоящую в углу, и, плотно затворив дверь, вставил палку швабры в ручку.

– Теперь подождем, что характерно.

Он уселся на парикмахерский стул посреди котельной. Илья, откинув на другой конец подушку, уселся на диван.

В молчании прошло минут пять.

– Дай-ка что-нибудь повеселее поймаю, – сказал Сергей.

Взяв приемник, уселся на прежнее место. Некоторое время покрутив колесико настройки, но не выбрав ничего для себя интересного, вернулся на прежнюю волну.

– Здесь должен быть второй выход, – сказал Сергей, задумчиво глядя на приемник в руках и не двигаясь с места.

– Сейчас посмотрим.

Илья встал и, заложив руки за спину, неторопливо стал

обходить помещение котельной. Он заглянул за платяной шкафом, пнул по пути какую-то тряпку... Сергей снова закрутил колесико приемника, и снова засвистело, запищало; сквозь шум эфира прорывались какие-то голоса, музыка...

За котлами Илья обнаружил небольшую дверцу. Она находилась в тени, поэтому сразу ее не заметили.

– Вот и выход, похоже, – сказал Илья, открыв дверцу и входя.

Он оказался в помещении насосной. Большие проржавевшие двигатели стояли на полу. Боковым зрением Илья заметил человеческий силуэт. Он резко повернул голову влево и вздрогнул. В пяти метрах от себя он увидел Парикмахера.

Парикмахер стоял, неестественно выпучив глаза, опустив безжизненно руки, ноги его слегка подкосились. Из открытого рта торчал металлический штырь. Большой черный таракан медленно полз по щеке. На Парикмахере был все тот же белый халат, весь залитый кровью. До Ильи не сразу дошло, что Парикмахер приколотен штырем к стене насосной, но, даже осознав, что перед ним мертвец, не мог отвести глаза.

– Нужно выход искать, хватит любоваться! – больно толкнул его в ребра Сергей. – Должен быть выход.

Спазмы опять, как тогда у Струганого, сдавили горло. Но Илья задавил в себе рвотный ком и вслед за Сергеем выскокчил в помещение котельной.

Сергей был уже на котлах.

– Откройте – милиция!!

В дверь раздались мощные удары.

– Быстро сюда! – шепотом прокричал Сергей.

Илья забрался на котел, спрыгнул за него на "боров". Сергей уже снял крышку с "борова" и спрыгнул в него.

– Быстро за мной, крышку задвинь!

Тело Сергея исчезло в "борове", Илья спрыгнул вслед за ним. Задвигая крышку, он слышал, как под мощным напором, отрываясь, затрещала ручка двери.

Илья оказался в полной темноте на четвереньках. Здесь гулял невероятный сквозняк.

– Сюда, быстрее! – услышал он и пополз на голос.

Несмотря на продувающий насквозь ветер, с Ильи тек пот, заливая глаза, кроме того, ветер приносил множество песчинок и пыли, поднятых ползущим впереди Сергеем; но Илья, отплевываясь и зажмурив глаза, что есть мочи стремился вперед, уже не обращая внимания на изодранные в кровь колени.

Впереди раздался шум падающего железа, и Илья увидел свет. Он прополз еще немного. Сергей помог ему вылезти. Очутились они в другом дворе-колодце. Кое-где в окнах горел свет.

– Грязненький ты что-то, – сказал Сергей, с улыбкой оглядывая Илью, – и запыхался, бедняжка. Давай-ка еще пробежимся немного.

Илья, хромя, побежал за Сергеем. Они оказались на набережной Невы.

– Теперь туда, – мгновенно сориентировался Сергей.

Вскоре они без приключений добрались до места, где оставили автомобиль.

– На сегодня хватит, – говорил Сергей, выезжая из подворотни. – Побегали мы сегодня и подрались немножко, только не ужинали еще. Давай домой поедем. И там на сытый желудок подумаем. Да ты не горюй, Илюха! Все прекрасно! Мы опять живы, что характерно.

Илья попробовал улыбнуться.

Сергей не сразу поехал домой, а еще около получаса под музыку Иоганна Себастьяна Баха кружил по городу. Выглядел он чрезвычайно довольным и в такт музыке покачивал иногда головой и, когда курил, пускал много колец.

Илья, напротив, ни в чем не находя для себя удовольствия, был тих и уныл. Кровоточили содранные, как в детстве, коленки. Теперь он ощущал вокруг себя борьбу каких-то могучих сил, а он, такой маленький, со сбитыми коленками, оказался между ними; и они вот-вот раздавят его, не по злобе, а потому что он по случайности обстоятельств попался под сандаля. Вот и Парикмахера, этого безобидного человека, убили. Сколько лет он жил в страхе – и вот, пожалуйста. У Ильи не шло из головы его лицо с выпученными, как тогда у Струганого, глазами и этот огромный таракан на щеке. "Откуда взялся такой огромный? Вот и разобрался. Думал: приеду, разберусь, узнаю про подземный народ – и домой. А теперь влип – дальше некуда..."

– Ты что-то приуявл. Самое интересное дальше начинается. Я так, например, что характерно, только сейчас жить начинаю. Сегодняшнее впечатление лучшее из всех за последние десять лет, как из Афгана вернулся. Китайский философ Лао-цзы в своем "Дао дэ цзин" написал, что стоящий на цыпочках не простоит долго. Так вот, я будто бы эти десять лет на цыпочках стоял и вот теперь опустился.

Они въехали во двор, вышли из машины.

– Вот шалопаи!

Подходя к парадной, Илья увидел на бетонной плите взамен разрушенных два новеньких красных кирпича один на другом.

– Вот хулиганье, – сказал Сергей, остановившись возле кирпичей. – Представь, десять лет я крушил кирпичи, потому что они меня раздражали. Они меня просто доводили этими кирпичами, а сегодня мне это безразлично. Что это значит?

– Значит, что устал, – догадался мрачный Илья.

– Нет, это значит, что я обрел гармонию и меня уже ничто не раздражает. А это значит, что меня уже ничто не может остановить.

Он протянул к кирпичам руку и, сняв один кирпич с другого, положил рядом.

– Вот так.

Илья долго не мог уснуть. Виделся ему Парикмахер, прибитый к стене, но почему-то живой и силящийся что-то ска-

зять; но железяка в горле мешала – он махал руками и сердился, что не может сказать. А Илья понимал, что это сон, а когда понимал – сон уходил. Потом среди белой ночи Сергей выплясывал свои танцы, убыстряя их до огромной скорости. И Илья, поначалу думая, что спит, понимал, что это не сон, и засыпал снова, но, открыв глаза, снова видел Сергея...

– Ты, что ли, сегодня ночью тренировался? – спросил Илья, утром застав Сергея в кухне.

– Да, немножко.

– А спать когда?

– Мне хватает. Вот хлеба только вчера не купили.

– Давай я схожу, пока ты яичницу готовишь. Я быстро.

– Будь осторожен, смотри по сторонам.

– Буду! – крикнул Илья уже из прихожей.

Булочная была в этом же доме. Проходя через двор, Илья бросил взгляд на машину Сергея. Что-то странное было в ней. Илья подошел ближе. И тут он понял что.

– Ух ты... – выдохнул Илья, наклоняясь.

"Жигуленок" уныло сидел на ободах, шины выглядели придавленными тряпками.

– Ай-ай-ай...

Рядом с Ильей оказался какой-то обширный телом мужчина.

– Вон, – Илья цокнул языком, – прокололи, стервецы! Ай-ай-ай... – сказал он, бросив взгляд на стоявшего рядом.

– Уу! – промычал тот бесстрастно, не открывая рта.

Илья посмотрел на него внимательно. В заплывшем жиром, утонувшем в щеках лице Илья с ужасом признал вчерашнего пригрозившего ему мужика. Илья настолько был изумлен, что замер, глядя на него, открыв рот.

– Уу, – промычал тот.

Что-то животное, непостижимое для человеческого разума было в этом мычании.

Толстяк сгреб Илью в душную и страшную охапку, как вещь. Неизвестно откуда взялась машина. Дверца открылась, из машины выскочил мужчина крепкого телосложения. Без труда они запихали отчаянно сопротивлявшегося Илью на заднее сиденье...

Последнее, что он увидел в стекло заднего вида, это изо всех сил бегущего по двору за быстро удаляющейся машиной Сергея.

ЧАСТЬ III

Глава 1

БУДУ РЕЗАТЬ, БУДУ БИТЬ...

Все время, пока Илью, сдавленного с двух сторон бандитскими телами, везли в машине, он находился в шоковом состоянии и не мог говорить и двигаться. Его попутчики на протяжении всего пути тоже не произнесли ни слова. Машина мчалась стремительно в неизвестном Илье направлении. Поначалу давая смотреть, где-то в середине пути один из похитителей одумался и завязал Илье глаза платком, чтобы он не запомнил дорогу. А он бы и так не запомнил. Город он знал плохо, а сейчас глаза его были велики от ужаса и кругом почти ничего не видели и не запоминали, кроме каких-то незначительных и ненужных деталей: синей бейсбольной кепки водителя, фотографии голой девицы на четвереньках возле руля... А потом из-за повязки и это перестали видеть. Но внизу неумелые руки оставили щель, и Илья наблюдал уже ключи от коробки зажигания.

По пути перед Ильей возникали Струганый, Парикмахер, искалеченная нога Егора Петровича... и с него лил пот.

Машина свернула, замедлила ход, снова свернула и оста-

новилась. Сняв повязку, его вывели из машины. Илья уже не сопротивлялся, понимая, что это не имеет смысла.

Они вышли в маленьком дворике. Разглядеть его не представлялось возможности, потому что машина подъехала прямо к парадной и они тут же оказались в ее полумраке.

Вниз по лестнице мимо них пробежала девочка в цветастом платье. Илья мог поклясться, что это Глюка.

Ему помогли подняться на пятый этаж, по пути у него отнимались ноги, и он с огромными усилиями преодолел последний пролет. Когда перед ним гостеприимно открылась тяжелая бронированная дверь квартиры, он был на грани обморока. Все. Вот сейчас он войдет туда, и дверь закроется за ним навсегда. Его охватили ужас и паника, он с утроенной силой рванулся в крепких руках, сделал последнее усилие тела...

Один из сопровождавших, не ожидая от него такой прыти, не удержал руку Ильи, и тот кинулся со стоном в сторону, замахнувшись всем телом, будто вот-вот пустится в пляс... И почудилась Илье на лестнице, ведущей на чердак, нога в ортопедическом ботинке.

– Помоги... – попробовал закричать Илья, но ему тут же зажали рот и грубо впихнули в прихожую.

Дверь со стуком закрылась, лязгнув засов.

Илья ожидал наказания за неожиданную выходку на лестнице, но его бить не стали, а вместо этого проводили в комнату.

Илью передернуло. В комнате стояло зубо­врачебное кресло с никелированной бормашиной, ярко горящей, нацеленной на кресло лампой...

– Нет! Я не хочу. Не хочу туда!..

Полными ужаса глазами Илья обводил крепко державших его молчаливых людей.

– Нет!..

– Ноги пристегни, однако, – сказал молодой человек толстяку.

– Уу, – промычал тот.

Не слушая возражений, Илью усадили в кресло, пристегнули ремнями руки и ноги. Он извивался, но все его усилия тонули в бесстрастной и мягкой, как вата, силе его соперников. Но Илья, не понимая, не желая понимать этого, боролся с ними отчаянно, пока не увидел, что борется уже сам с собой, потому что накрепко пристегнут к зубо­врачебному креслу.

– Уу, – промычал толстяк, осмотрев пути Ильи, и вышел вслед за товарищем.

Мокрый от пота Илья стряхнул с глаз жгучие капли и осмотрелся.

Конечно, сидя прикованным к страшному креслу, он осознавал не все, что видел. На стенах висели плакаты, похищенные, вероятно, из школьного анатомического кабинета, со схемами человеческого тела, оголенными мускулами и прочими внутренними органами. В углу, невдалеке от крес-

ла Ильи, красовался скелет какого-то человека. И если раньше Илья смотрел на эти пособия с безразличием и даже некоторой долей иронии, то теперь совсем иначе – теперь он имел к этим анатомическим картинкам непосредственное отношение. Кроме того, на стенах в рамках висели также репродукции старинных картин с изображением казней. На одной, в дубовой рамке за стеклом, мучился бородатый человек, подвешенный за ребра; внизу, под ним, тосковала закопанная по грудь женщина. На гравюре XVI века несчастного разрывали лошадьми. На другом рисунке человека, подвешенного вверх ногами, начав между ног, распиливали вдоль. А на огромной, висящей отдельно гравюре над людьми производили множество казней: и сжигали, и рубили головы, и выкалывали глаза, и истязали всячески как только вздумается... И всадники апокалипсиса с гравюры Дюрера мчались над всем этим с визгом, с грохотом лат и топотом копыт... От всей этой пляски смерти у Ильи кружилась голова.

Он бросил обезумевший взгляд на урночку, куда у зубного врача обычно сплевывают...

– Господи!.. Только не это! – плачуще проговорил Илья. – Только не это!..

В плевательнице лежали рассверленные обломки зубов.

Илья, скуля, отвернулся. Лучше уж пускай везде смерть. Она действительно была везде, куда ни смотрел Илья, – на каждой стене кому-нибудь разрезали живот или вешали, отрубали руки или гильотинировали... Словом, кошмар да и

только.

Наконец Илья догадался закрыть глаза, но в темноте стало еще страшнее, и он снова водил безумными очами по стенам и ужасался все больше.

Из соседней комнаты слышались голоса: там были люди, они переговаривались, доносился звон металлических приборов, должно быть, они обедают... или готовят хирургические инструменты... Нет, там были нелюди. Там были садисты и палачи, которые придут его зверски пытаться...

– Господи! Только не это.

Илья с удесyатеренной силой рванул мешавшие движению ремни, напрягся всем телом, со стоном потянулся... Это отчаяние ничего не дало.

В дверь раздался мелодичный звонок. Илья замер, вслушиваясь, – может быть, его пришли выручать... Сейчас, когда он оказался в безнадежном положении, надежда таилась в любом звуке, так же как в любом звуке таились мука и смерть.

Вот сейчас, улыбаясь, войдут в комнату, отстегнут ремни, скажут: "Извините, ошибка вышла, – пожмут руку. – Всякое бывает, уж вы не обижайтесь..." И Илья простит. Непременно простит и пожмет протянутую руку!..

Господи! Как ему этого хотелось!..

Торопливые шаги, кто-то промелькнул мимо приоткрытой двери, потом лязг засова, скрип двери. Может быть, закричать?!

Но дверь захлопнулась. Поздно.

Голоса еле доносились, потому что говорили негромко, но Илья разбирал каждое слово.

– Плохо дело, шеф. Только что звонили от Натали. Какие-то суки Боймана повесили, девок разогнали, а офис сожгли. Грамотно работают.

– Скоты, – мужской мягкий, вкрадчивый голос. – Но это не наши – приезжие гастролеры. Ну так эти скоты ошиблись. Шутки с Китайцем большой кровью выйдут.

– Так что делать будем, Китаец?

– Всех обзвони, скажи – у Китайца проблемы. Если кто что знает, лучше пусть скажет сам, иначе... Ну, сам знаешь.

– А если спросят, почему сам Китаец не звонит?

– Скажи – занят. Понял?.. Этого-то привезли?

– В кресле сидит.

Дверь скрипнула, и Илья увидел в щели седую человеческую голову. Несколько секунд человек наблюдал за Ильей, ни слова не говоря. Илья тоже смотрел. Голова исчезла. Дверь открылась, и сам обладатель любопытной головы вошел в комнату.

– Ну-с, освоился в непривычной обстановочке?

Илья промолчал, говорить почему-то не хотелось.

Человек был одет в новый дорогой костюм, лицо имел круглое, с полными щеками и мелкими чертами лица. Он подошел, остановившись возле Ильи, достал из нагрудного кармана очки и надел их, сразу сделавшись похожим на из-

вестного политического обозревателя.

– Ну-ка. – Как доктор, незнакомец наклонился, заглядывая в лицо Илье.

Удовлетворившись осмотром, хмыкнул и уселся на диван напротив зубоврачебного кресла, элегантно закинув ногу на ногу.

– О Китайце слышал?

Илья молчал, от навалившегося на него страха не имея возможности говорить.

– Вижу, что слышал. Так вот, дружок, лучше бы тебе все-превсе рассказать, – участливо-ласково сказал гость.

– Я не знаю, что вам рассказывать нужно, – медленно, не узнавая своего голоса, проговорил Илья.

Первая волна захлестнувшего ужаса пронеслась, и он начал постепенно приходить в себя.

– Ты же понимаешь, что положение твое безнадежно. Решительно никто на белом свете не сможет тебя высвободить отсюда. Вот ты говоришь, что тебе неизвестно, о чем нужно говорить. Но это как будто ложь. – Он удивленно вскинул брови и развел руками, как учитель начальных классов, воспитывая ученика. – Ты все-таки говоришь с Китайцем. Слышишь?! С Ки-тай-цем!

Несмотря на настойчивость, с которой он называл себя китайцем, ничего общего с этой национальностью в его лице не имелось. Было у него круглое славянское лицо, крупные, чуть навыкат, глаза... При чем здесь китайцы?

– Да, уважаемый, – взяв себя в руки, продолжал Китаец. – Что же ты думаешь, я всегда был Китайцем? – Илья так не думал. – Мой древнейший род ведет начало от Скуратовых-Бельских. Историю-то читал небось. Так вот, одна дочь Малюты Скуратова вышла замуж за Бориску Годунова, а вторая за князя Шуйского – тоже душегуба знатного – и прежде, чем умереть, родила от него ребенка. Ну а там и дальше дело пошло и дошло до меня. И скажу я тебе, что душегубство и садизм у нас в крови. Вот хотел бы не мучить, не убивать. А ведь не могу! – Китаец сокрушенно развел руками. – Дядя мой, Андрей Иванович, – такой хороший человек – всегда тактичный, придет, бывало, ко мне в гости, сидит, смотрит умными глазами на то, как мои мальчишки, заплечных дел мастера, пытаются зверски кого-нибудь. Бывало, не выдержит. "Эх! Дай-ка я попробую!" Он тоже из Скуратовых-Бельских. Чекатилло его фамилия. Может, слышал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.